

НИТИ ВРЕМЕНИ

ДИАЛОГИ СО СТАЛИНЫМ

(С-СІІ)

Programma Comunista, 1952, NN. 1-4

Первый день

Представив вторую за два года статью на пятидесяти страницах (в 1950-м году это было печально известное размышление о лингвистике¹, с которым нам приходилось иметь дело только мельком, но заслуживающее того, чтобы ее разобрать quod differtur²), Иосиф Сталин отвечает на вопросы³, поставленные нами не только в «Нитях времени», но и на рабочих встречах по марксистской теории и программе, проводимых нашим движением и обнародованных тогда вкратце или детально.

Мы, конечно, не имеем в виду, будто бы Сталин (или его могущественный секретариат, чьи сети опутывают весь земной шар) видел все эти материалы и его ответ был адресован нам персонально.

Если мы настоящие марксисты, то для нас не существует вопроса о том, что великие исторические диспуты требуют персонифицированных героев, представших перед изумленным человечеством, подобно тому как ангел играет над облаком на

1 Упомянется работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», 1950. Критика была дана в «Факторы расы и нации в марксистской теории», II programma comunista, NN 16-20.

2 Quod differtur, non aufertur (лат.): что отложено, то не прекращено.

3 Сталин «Экономические проблемы социализма в СССР», сентябрь 1952

золотой трубе и Борода, демон Данте, отвечает (de profundis в правильном смысле) узнаваемым звуком⁴. Или как христианский паладин и сарацинский султан, которые прежде чем достать свои сверкающие сабли, выкрикивают свои имена, перечисляют длинный список предков и прошлых побед и клянутся убить друг друга.

Нам не хватает только следующей картины: с одной стороны, провозглашенный вождь крупнейшего государства земли и мирового «коммунистического» пролетариата. Но кто с другой? Никто! Ничто!

В действительности в дискуссии детерминистски сталкиваются факты и материальные силы, действующие в субструктуре; а те, кто диктует тексты или громко разоблачает их, являются простыми механизмами, рупорами, которые пассивно преобразуют колебания в голоса. И даже из самого мощного рупора в 2000 Вт может нестись полнейшая бессмыслица.

Так и поднимаются аналогичные вопросы о значении сегодняшних российских общественных отношений и международных экономических, политических и военных отношений. Эти вопросы поднимаются там, здесь и где-либо еще, и их можно уточнить только обращаясь к теории, что подводит итог всему произошедшему и известному; и к истории теории, очень давней - остающейся неискоренимой - и общей.

Поэтому мы очень хорошо знаем, что ответ Сталина с вершин башен Кремля не вызван нашим голосом и не обращен лично к нам. Чтобы продолжить дебаты, ему нет надобности знать наши теоретические органы: вчера «Battaglia», сегодня «Programma Comunista». Вещи и силы - большие или маленькие, вчера, сегодня или завтра - остаются неизменными, несмотря на причуды символизма. Если древняя философия писала suntologia rerum⁵, это означало, что вещи не принадлежат именам. То есть на нашем языке вещь определяет имя, а не имя - вещь. Можно посвятить 99% своего

4 Борода: одно из названий дьявола в «Божественной комедии» Данте: «Ад», 21-я песня, где говорится в стихе 139: «И тот трубу изобразил из ада». De profundis (лат.): Начало часто задаваемого псалма 129: «Из глубины возвах к тебе, Господи». Его также называют «шестым покаянным псалом». Это традиционная похоронная молитва католической церкви.

5 буквально: имена суть символы вещей

времени работе над именами, портретами, эпитетами, жизнями и могилами великих людей. Мы же продолжим в тени, уверенные, что недалеко то поколение, которое лишь усмехнется над вами, прославленными людьми крупного и мелкого калибра.

Но вещи, что спрятаны между строк в новой статье Сталина, однако, слишком значительны, чтобы мы отвернулись от диалога. Вот наш мотив, а не стремление воздать каждому по его заслугам. Мы готовы ждать ответа, год или даже два. Нам спешить некуда (не правда ли, бывший марксист?).

Завтра и вчера

Все затронутые Сталиным проблемы - ключевые узлы марксизма и почти все те старые гвозди, которые мы настойчиво требуем плотно забить, прежде чем объявить себя кузнецами завтрашнего дня.

Естественно, что основная масса политических «зрителей» из различных лагерей, впечатлена не тем, что Сталин многозначительно отступил назад - и еще должен отступить - но тем, что он ждет от неопределенного завтра. Находясь в полном замешательстве и спеша ответить ему, зрители-друзья и зрители-враги не поняли ни одного слова и представили странные и преувеличенные версии. Перспектива - вот, что не дает покоя, и хотя наблюдатели - это куча ослов, машинист тоже не в лучшем положении, он вращает рукоятку механизмов высоких тюрем, офисов высокопоставленных лиц, и ему не повернуть головы и не предвидеть что-то наперед. В то время как все взволнованы наводящими на размышления предсказаниями, мы предпочитаем собирать выводы, которые продиктовало Сталину его отступление в прошлое.

В соответствии с экзистенциалистским кредо все подчиняются дурацкому императиву: мы должны отвлечься; а политическая пресса обеспечивает развлечение именно тогда, когда открывает будущее и сообщает о прозаических событиях, о которых «великое имя» соизволило поведать. И неожиданное пророчество таково: мировая революция больше не мировая, таковой больше нет, нет и «священной» войны между Россией и остальным миром, а есть

неизбежная война между капиталистическими государствами, к которым Россия на тот момент еще не причислена. Для марксизма это, хотя и интересно, совсем не ново. Среди нас нет особой привязанности к политическому кинематографу, где любителю кино не очень важно, является ли увиденное «настоящей правдой» или нет. И после мира грёз, страны безграничных возможностей, роскошных ресторанов, белых телефонов или объятий с современной целлулоидной СуперВенерой, зритель - маленький служащий или наемный раб - возвращается счастливым в свою лачугу и заигрывает с уставшей женой или заменяет ее продажной Венерой тротуара, то есть проституткой.

Итак, вместо отправной точки – а она существенна - все устремились к заклучению. Следовало бы остановить всю эту толпу полудурков, которые ломают головы над тем, что «после», и вернуться к изучению того, что было «до»; это было бы гораздо легче, но до этого они не доходят. Несмотря на то, что человек не понимает прочитанной страницы, он не сопротивляется искушению перелистнуть ее, надеясь, что, осилив следующую, все-таки станет умнее; но глупый становится еще глупее.

Независимо от способа, которым полиция охраняет публичный порядок и спокойствие, что так возмущает Запад (где средства отупления и стандартизации черепов многочисленнее и отвратительнее), определение достигнутого общественного этапа и движущихся экономических механизмов в России - вопрос, который возникает сам собой - приводит к следующей дилемме: должны ли мы продолжать утверждать, что российская экономика является социалистической или находится на первой стадии коммунизма, или мы должны признать, что, несмотря на государственный индустриализм, она управляется законом стоимости, присущим капитализму? Сталин услышал исповедь и сдерживает слишком смелых экономистов и бизнес-менеджеров, что готовы признать второй тезис открыто. На самом же деле он готовит скорое (а также полезное в революционном смысле) признание. Но та бессмыслица, что разносится «свободным миром», гласит о переходе на высшую ступень полного коммунизма!

Чтобы сосредоточиться на вопросе, Сталин использует классический метод. Легко разыграть карту и освободиться от

любых обязательств перед школой Маркса и Ленина, но на этом этапе игры можно сорвать весь банк. Так что вместо этого мы начинаем «об ово»⁶. Что ж, мы правы, потому что мы ничего не ставили на рулетку истории, и с детства научились одному: наша долг - дело пролетариата, которому нечего терять.

Поэтому Сталин заявляет, что «*необходим текст исследования марксистской экономики*» (в 1952 году!) и не только для советской молодежи, но и для товарищей из других стран: берегитесь, бесчувственные и забывчивые!⁷

Включение части о Ленине и Сталине, как создателях социалистической политэкономии, по словам самого Сталина, не дает ничего принципиально нового⁸. Если речь о том, что давно известно, оба не придумали ничего, но научились, то это правда, и Ленин всегда это подчеркивал

Теперь, когда мы находимся в области строгой терминологии и «школьных» формулировок, мы должны сказать, что у нас есть предварительная версия сталинского текста, которую сами сталинские газеты взяли из нерусскоязычного агентства печати. Мы рассмотрим полный текст как можно скорее.

Товары и социализм

Ссылка на первые элементы экономической доктрины заключается в обсуждении «системы производства товаров при социалистическом режиме». В различных текстах (которые, конечно, не были новаторскими) мы писали, что любая система товарного производства является несоциалистической системой, и мы повторяем это снова: если бы Сталин (Сталин и снова Сталин; мы

6 С самого начала, с азбуки

7 «Я думаю, что товарищи не учитывают всего значения марксистского учебника политической экономики. Учебник нужен не только для нашей советской молодежи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам» - Сталин

8 «Я думаю, что главу «Марксистское учение о социализме, создание В.И. Лениным и И.В. Сталиным политической экономики социализма» следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника» Сталин

имеем здесь дело со статьей, которая могла бы появиться через 100 лет, заменив исчезнувшего или дискредитированного Сталина: но для простоты упомянутые имена служат символами сложных событий и контекстов) говорил о товарном производстве после завоевания власти пролетариатом, то тогда бы мы не возражали.

Очевидно, что некоторые «товарищи» в России заявляли - ссылаясь на Энгельса, - что сохранение системы товарного производства (или товарного характера производства) после национализации средств производства означает сохранение капиталистической экономической системы. Сталин, конечно, не тот человек, который мог бы доказать их неправоту теоретически⁹. Но если они говорят, что в силах отменить товарное производство и попросту до сих пор забыли это сделать, то, скорее всего, ошибаются.

Но Сталин хочет доказать, что в «социалистической стране» - термин сомнительной школы - может существовать товарное производство, и ссылается на определения Маркса и их четкий - возможно, даже безупречный - синтез, данный в пропагандистской брошюре Владимира Ленина¹⁰.

Мы уже несколько раз касались темы меркантильного способа производства, его подъема и господства, а также его строго капиталистического характера и модернизирующего характера капитализма, например, 1 сентября 1951 г. на «Собрании в Неаполе», о котором сообщалось в Бюллетене п.1 партии, а также на другой, более поздней, встрече, также в Неаполе, которая основывалась на пересказе и комментировании раздела Маркса о «товарном фетишизме и его тайне».

9 *«Некоторые товарищи утверждают, что партия поступила неправильно, сохранив товарное производство после того, как она взяла власть и национализовала средства производства в нашей стране. Они считают, что партия должна была тогда же устранить товарное производство. Они ссылаются при этом на Энгельса, который говорит: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями» Эти товарищи глубоко ошибаются» Сталин*

10 Ленин «Карл Маркс»

Это была работа в п.9 от 14 мая 1952 нашего издания, в серии «Нить времен» под названием «В водовороте меркантильной анархии».

Согласно Иосифу Сталину, точные планы могут быть составлены в рамках товарного производства, без ужасного Малстрёма¹¹, который заманивает неосторожного штурмана в центр водоворота и затягивает его в пропасть капитализма. Однако статья осуждает всех тех, кто, будучи марксистом, предупреждает об опасностях водоворота, как и установила наша теория.

Товар, как напоминает нам Ленин, - это объект с двойственным характером: он полезен для нужд человека и может быть обменян на другой объект. И часто цитируемые строки таковы:

«В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара» (Ленин, «Карл Маркс»)

И поэтому товар имеет эти две прерогативы, и товар становится непосредственно товаром только тогда, когда второе свойство соединяется с первым.

Первое свойство - потребительная стоимость, понятно даже таким отъявленным материалистам, как мы, или даже ребенку. Она чувственно и опытно познаваема: лизнув кусочек сахара, мы протягиваем руку за следующим. Но долг тот путь - в своем великом разделе Маркс быстро прошел его - до тех пор, пока кусочек сахара не обретет меновую стоимость и не попадет в деликатную проблему Сталина, который удивляется установлению эквивалентности между зерном и хлопком¹².

11 Водоворот в Норвежском море

12 «Беда не в том, что закон стоимости воздействует у нас на производство. Беда в том, что наши хозяйственники и плановики, за немногими исключениями, плохо знакомы с действиями закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим собственно и объясняется та неразбериха, которая все еще царит у нас в вопросе о политике цен. Вот один из многочисленных примеров. Некоторое время тому назад было решено упорядочить в интересах хлопководства соотношение цен на хлопок и на зерно, уточнить цены на зерно, продаваемое хлопкоробам, и поднять цены на хлопок, сдаваемый государству. В связи с этим наши хозяйственники и плановики внесли предложение, которое не могло не изумить членов ЦК, так как по этому предложению цена на тонну зерна предлагалась почти такая же, как цена на тонну хлопка, при этом цена на тонну зерна была приравнена к цене на тонну печеного хлеба. На

Маркс, Ленин, Сталин и мы хорошо знаем ту чертовщину, которая появляется вместе меновой стоимостью. Что сказал Ленин? Там, где буржуазные экономисты видели отношения между вещами, Маркс открыл отношения между людьми! Что доказывают три тома «Капитала» Маркса и примерно 50 страниц Ленина? Всё очень просто. Где современная экономика видит прекрасную эквивалентность в обмене, мы больше не видим обмен между вещами, но людей в социальном движении, мы видим не эквивалентность, а подвох. Карл Маркс говорит о чудесах и привидениях, которые придают товарам такой причудливый и на первый взгляд непостижимый характер. Ленин, как и всякий марксист, пришел бы в холодный ужас от мысли о существе, которое было бы способно производить и обменивать товары и одновременно изгонять из них врожденного дьявола экзорцистскими методами. Верит ли в это Сталин? Или он просто хочет сказать нам, что дьявол превосходит его по силе?

Как призраки средневековых рыцарей мстят за революцию Кромвеля, наводнив замки, оставленные лендлордами, так и товарный фетишизм не прекращает блуждать по залам Кремля и смеяться над миллионами слов болтунов XIX съезда¹³.

Когда Сталин хочет показать, что товарное производство и капитализм не идентичны друг другу, он снова использует наш метод. Следуя историческому пути в обратном направлении, он отмечает, как и Маркс, что в некоторых формах общественной организации (рабовладение, феодализм и т.д.) существовало товарное производство, но при этом оно «не приводило к капитализму»¹⁴. Это действительно то, что говорил Маркс в своих

замечания членов ЦК о том, что цена на тонну печеного хлеба должна быть выше цены на тонну зерна ввиду добавочных расходов на помол и выпечку, что хлопок вообще стоит намного дороже, чем зерно, о чем свидетельствуют также мировые цены на хлопок и на зерно, авторы предложения не могли сказать ничего вразумительного. Ввиду этого ЦК пришлось взять это дело в свои руки, снизить цены на зерно и поднять цены на хлопок. Что было бы, если бы предложение этих товарищей получило законную силу? Мы разорили бы хлопкоробов и остались бы без хлопка» Сталин

13 Съезд КПСС в октябре 1952 совпал с данной работой.

14 «Говорят, что товарное производство все же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно. Не всегда и не при всяких условиях! Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это – две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная

мощных исторических трудах, но Сталин делает это с совсем другой целью. Буржуазный экономист утверждает, что система товарного производства - это единственный возможный механизм для объединения производства и потребления. Этот экономист достаточно хорошо знает, что пока данный механизм остается не тронут, капитал продолжит повелевать миром. Маркс отвечает: взглянем, куда ведет эта историческая тенденция; сперва признаем неоспоримые факты прошлого: не всегда товарное производство обеспечивало потребителя продуктами труда. В качестве примеров он упоминает примитивное общество основанное на собирательстве и непосредственном потреблении, древние формы семьи и племени, феодальная система прямого потребления в самообеспечиваемых кругах, где продукт не принимает товарную форму. С развитием и усложнением технологий и потребностей возникают сектора экономики, которые сперва обеспечиваются бартером, а затем настоящей торговлей. Это доказывает, что товарное производство, включая частную собственность, не является ни естественным, ни, как заявляет буржуазия, неизменным и вечным. Позднее появление товарного производства («системы товарного производства» как говорит Сталин) на периферии разных способов производства служит у Маркса демонстрацией того, что как только товарное производство становится всеобщим, распространив повсюду капиталистическую систему производства, оно должно быть отменено вместе с этой системой производства.

Мы могли бы долго цитировать марксистские пассажи, направленные против Прудона, Лассаля и Родбертуса и других, отвергая любую попытку примирить товарное производство с социалистическим освобождением пролетариата.

Для Ленина - это краеугольный камень марксизма. Будет крайне сложно примирить это с нынешними тезисами Сталина: *«Спрашивается, почему не может товарное производство*

собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства» Сталин.

обслуживать также на известный период наше социалистическое общество» или «Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами». Это гипотеза, естественно, абсурдна; в марксистском анализе, любое существование массы товаров говорит о том, что безрезервные пролетарии должны продавать свою рабочую силу. Если в прошлом товарное производство было ограничено только несколькими секторами экономики, то это не потому что рабочая сила продавалась «добровольно», как сегодня, а потому что она была выжата из рабов, заключенных или крепостных через отношения личной зависимости.

Надо ли нам цитировать первые две известные строки из «Капитала»? *«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров».*

Российская экономика

Разбираемый нами текст, обладая бóльшим или меньшим показным желанием вернуться к первоисточникам, переносит нас в сферу современной российской экономики, дабы заставить замолчать тех, кто утверждал, что система производства товаров неизбежно должна привести к восстановлению капитализма, или, как мы более четко формулировали: система товарного производства по-прежнему осталась нетронутой, поскольку мы имеем дело с полностью капиталистической экономикой.

По поводу российской экономики в этом замечательном тексте имеются следующие допущения. Хотя крупные промышленные предприятия и были обобществлены, малые и средние - нет. Напротив, если верить Сталину, это «*бессмысленный и преступный путь*». Решение в том, чтобы трансформировать их в производственные кооперативы.

Существует два сектора товарного производства: с одной стороны, есть национальное государственное производство. На государственных предприятиях средства производства и продукция являются национальным достоянием. Простой пример: в Италии - это табачные компании, а также продаваемые ими сигареты. Но достаточно ли этого, чтобы сказать, что мы в процессе «ликвидации системы наемного труда» и что рабочие не «вынуждены продавать свою рабочую силу»? Нет, точно нет.

Перейдем к другому сектору, сельскохозяйственному: написано, что в колхозах, хотя земля и машины являются собственностью государства, продукт труда принадлежит не государству, а самим колхозам¹⁵. И впоследствии они его продают за деньги и приобретают промышленные товары, в которых они нуждаются. Нет никаких других связей между сельскими и городскими районами, кроме тех, которые созданы этим товарообменом:

«товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад».

Теперь давайте оставим аргумент об очень отдаленной возможности преодоления такой ситуации. По-прежнему установлено, что речь идет не о том, чтобы заявить, как и сказал Ленин в 1922 году: в наших руках политическая власть, и мы контролируем военную ситуацию, но в экономике мы должны вернуться к меркантильной, полностью капиталистической форме. Следствием такой констатации было: давайте на время оставим становление социалистической экономики, мы вернемся к ней после европейской революции. Последствия сегодняшнего дня совсем иного толка.

15 «В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, – свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут ее продать, купить, сдать в аренду или заложить. Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы» Сталин

Речь также не идет о попытке выдвинуть тезис, что при переходе от капитализма к социализму в течение определенного времени определенная часть продукции распределяется в форме товаров.

Здесь говорится: все является товаром; и нет другой экономической основы, кроме товарного обмена, а следовательно, и покупки рабочей силы, даже в очень крупных государственных компаниях. И в самом деле: где фабричный рабочий находит источники средств к существованию? Колхозы продают через частных торговцев или, возможно, напрямую государству, продукты, на выручку от которых покупают инструменты, удобрения и многое другое, а рабочий идет совершать покупки, оплачивая их деньгами, в государственных магазинах. Может ли государство напрямую распространять продукцию, которой оно владеет, среди своих работников? Конечно, нет, поскольку рабочий (прежде всего русский) не потребляет тракторов, автомобилей, локомотивов, а тем более ... пушек и пулеметов. Одни и те же предметы одежды и предметы обстановки являются очевидной областью производства тех нетронутых средних и небольших частных компаний.

Поэтому государство не может дать своим работникам ничего, кроме денежной заработной платы, за которую те покупают то, что хотят (буржуазная формула, что означает то, как мало они могут себе позволить). То, что главным распределителем заработной платы является государство, которое «в идеале» или «на законных основаниях» представляет самих рабочих, ничего не значит, пока такое государство не сможет даже начать распространять что-либо за пределами торгового механизма, что-либо количественно значимое.

Анархия и деспотизм

Сталин хотел поставить некоторые марксистские цели, которые мы так часто вспоминали: сократить разрыв и противоречия между городом и деревней, преодолеть социальное разделение труда, резко сократить (до пяти или шести часов сразу) рабочий день, в качестве единственного средства устранения

разрыва между физическим и умственным трудом и искоренения остатков буржуазной идеологии.

На встрече в Риме 7 июля 1952 наше движение остановилось на главе Маркса, «Разделение труда внутри мануфактуры и разделение труда внутри общества», и под мануфактурой читатель может понимать любую компанию. Было показано, что для того, чтобы уйти от капитализма, необходимо с помощью системы товарного производства уничтожить даже социальное разделение труда - и Сталин помнит это - и корпоративное или техническое разделение, с которым связана одичание рабочего и фабричного деспотизма. Это два стержня буржуазной системы: социальная анархия и фабричный деспотизм. Мы все еще видим в Сталине напряженную борьбу против первого; а по поводу второго он молчит.

Ничто в сегодняшней России не движется в направлении этих достижений: как тех, о которых вспомнили сегодня, так и тех, что остались в тени.

Если существует барьер, непреодолимый сегодня и завтра, между государственным предприятием и колхозом, который ненадолго будет преодолен только с целью заключения взаимовыгодных торговых сделок, то что же должно сблизить город и деревню, каково социальное разделение труда между рабочими и крестьянами, что освободит рабочего от необходимости продавать слишком много рабочих часов за небольшие деньги или еду и тем самым даст ему возможность бросить вызов монополии капиталистической традиции на науку и культуру?

Мы не только находимся не в первой фазе социализма, но даже не в полном государственном капитализме, то есть в экономике, в которой, даже если все продукты являются товарами и обращаются, обмениваясь на деньги, то каждый продукт находится в распоряжении государства, центр может фиксировать все отношения эквивалентности, в том числе рабочей силы. Даже такое государство не является экономически и политически управляемым и в полной степени завоеванным рабочим классом, а работает на службе анонимного и тайно действующего капитала. Однако Россия далека от этой системы, а у нас только государственный

индустриализм¹⁶. Эта система, возникшая после антифеодальной революции, действительно способствовала развитию и распространению промышленности и капитализма сумасшедшими темпами, с государственными инвестициями на колоссальные общественные работы и ускорению перехода сельского хозяйства к буржуазной экономике и аграрному праву. В «коллективных» хозяйствах нет никакого государства и ничего социалистического, это понятно; мы находимся на уровне кооперативов, возникших в итальянской долине реки По во времена бандинцев и прампулинцев, которые управляли сельскохозяйственным производством, арендуя, если не выкупая, земли или государственные земли, такие как луга и другие, передающиеся по наследству со времен древних герцогов. Чего Сталин не может услышать в Кремле, так это того, что в его колхозах, несомненно, крадут в сто раз больше, чем в приведенных выше скучных, но честных кооперативах.

Таким образом, индустриальное государство, которое должно вести переговоры о покупке продуктов питания на островах «свободного рынка» в деревне, сохраняет вознаграждение за силы и рабочее время на том же уровне, что и частная капиталистическая промышленность. Можно даже сказать, что по степени экономического развития Америка ближе к полному государственному капитализму, чем Россия, учитывая, что, возможно, по завершению оборота российский рабочий получает сельскохозяйственные продукты за три пятых своего труда, тогда как американский рабочий за три пятых своего труда получает продукты промышленности, а также продукты питания, в значительной степени (для бедноты) упакованные в жестяные банки, созданные промышленностью.

16 Государственный индустриализм здесь означает, что государство является собственником промышленности, которой оно руководит и управляет, в то время как сельское хозяйство остается почти не затронутым (за исключением небольшой части совхозов). Для Ленина государственный капитализм был конечной целью, которую диктатура пролетариата могла установить в ожидании международной революции. Такая система должна была служить рычагом для преобразования сельского хозяйства, которое находилось на уровне мелкого и патриархального натурального производства. Сталинская контрреволюция поддерживала государственное лидерство и государственную собственность на промышленность (не исключая частного предпринимательства), но в сельском хозяйстве она консолидировалась в форме колхоза, способе производства намного ниже даже государственно-капиталистической ступени.

Государство и отступление

И на данный момент всплывает еще один большой вопрос: отношения между сельским хозяйством и промышленностью остаются в России на полностью буржуазном уровне, как далеко бы не зашло развитие промышленности, и в этом докладе Сталин признает, что нельзя вмешиваться в эти отношения, так как это будет означать перспективу большего огосударствления, не говоря уже о социализме.

Это отступление тоже ловко скрывается за марксистской доктриной. Что мы можем сделать? Насильно экспроприировать колхозы? Для этого нужно было бы использовать государственную власть. И вот Сталин поднимает вопрос будущего упразднения государства, которое хотел когда-то выбросить на свалку, как будто бы разговаривая с тем, кто спрашивает: «Вы просто издеваетесь, не так ли, ребята?».

Очевидно, что не выдерживает критики тезис о том, что рабочее государство должно отступить, когда весь сельскохозяйственный сектор все еще организован в товарно-частной форме. Даже если на мгновение принять ранее оспариваемый тезис о существовании товарного производства при социализме, то он был бы неотделим от другого тезиса: если товарное производство не отменено повсюду, то не может быть и речи об отмирании государства.

Остается только сделать вывод, что фундаментальные отношения между городом и деревней (которые освободились в ходе драматического развития от тысячелетних азиатских и феодальных форм) разрешаются именно так, как это предполагает капитализм, и который в буржуазных странах всегда выражался классическими словами: регулирование обмена между промышленными и сельскохозяйственными продуктами. Эта система *«потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне»* (Сталин). Что ж! Если на мгновение мы проигнорируем оправданное государство, то тогда это почти «либеральное» решение.

Мы говорили, что вопрос об отношениях между сельским хозяйством и промышленностью решен признанием полной беспомощности сделать что-либо, кроме индустриализации и роста производства (а значит ценой страданий рабочих). Кроме того мы поднимаем еще один важный вопрос об отношениях между государством и бизнесом и отношениях между компаниями.

Перед Сталиным вопрос стоит в следующей форме: действует ли в России, даже в области крупной государственной промышленности, закон стоимости, закон капиталистического производства. Речь идет о законе, что подразумевает, что обмен товарами всегда происходит между эквивалентами: ложный фасад «свобода, равенство и Бентам»¹⁷, который сорвал Маркс, показав, что капитализм производит не ради продукта, а ради прибыли. Зажатый в тисках между необходимостью и господством экономических законов, Манифест Сталина движется в том направлении, которое подтверждает наш тезис: в своей самой сильной форме, капитал подчиняет себе государство, даже если государство выступает в качестве единственного законного владельца всех компаний.

На второй день, о, Шехеразада¹⁸, мы расскажем Вам об этом, а на третий день - о мировом рынке и о войне.

17 «Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам!» Капитал том 1

18 Намек на финальную последовательность каждой сказки из «Тысячи и одной ночи». Шахерезада - это имя рассказчицы. Султан пленяет умную Шахерезаду и планирует убить ее. Она рассказывает сказки от ночи к ночи, спустя 1001 ночь он дарует ей жизнь

Второй день

Чтобы точно определить тип экономики современной России, в первый день обзора сталинских «ответов» на наши марксистские исследования и заявления мы сосредоточились на том, чтобы подчеркнуть несовместимость товарного производства и социалистической экономики. Для нас каждая система товарного производства определяется в современном мире, мире ассоциированного труда, короче работников производственных предприятий, как капиталистическая экономика.

Теперь обратимся к вопросу о стадиях социалистической экономики или лучше социалистической организации, а также различий между низшей и высшей стадиями коммунизма. Мы предполагаем, что ядро нашей доктрины (чтобы вернуться на историческую землю, отойдя от определения «неподвижных» и, следовательно, абстрактных систем) заключается в утверждении, что переход от капиталистической экономики к социалистической происходит не одним махом, но в течение длительного процесса. Поэтому следует признать возможность сосуществования секторов частной экономики с секторами коллективной экономики, капиталистических (и докапиталистических) областей с социалистическими областями в течение длительного времени. И сейчас мы указываем: каждая область или сектор, в котором циркулируют, покупаются или продают товары (и среди них человеческая рабочая сила) - это капиталистическая экономика.

В своем тексте (известном, широко распространенном, даже в оригинале) Сталин заявляет, что российский аграрный сектор является коммерческим, откуда следует, что это частный сектор с частным присвоением средств производства, и пытается утверждать, что (крупный) промышленный сектор производит товары только в случае продуктов народного потребления, но не продуктов технического назначения¹⁹; тем не менее Сталин желает заявить, что не только крупную промышленность, но и в целом российскую

19 «Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления» Сталин

экономику, можно назвать социалистической, хотя товарное производство продолжает процветать в широких масштабах.

Все это мы рассматривали уже в наших текстах, в которых речь шла об основных текстах марксизма и данных общеэкономической истории; Сегодня мы должны перейти к вопросу «экономических законов», в частности «закона стоимости».

Туман и ясность

Начнем со сталинского возражения российским экономистам, что ссылаются на Энгельса, чтобы подчеркнуть, что выход за пределы капитализма означает выход из меркантилизма, что капитализм преодолен там, где преодолено производство товаров. Сталин лишь пытается вычитать из однозначного отрывка «Анти-Дюринга» нечто отличное от написанного, тогда как Энгельс развивает свой тезис (ясно и точно, в адрес сталинского Дюринга) во всем разделе «Социализм», и в главах, откуда мы не раз черпали цитаты: «Очерк теории», «Производство», «Распределение».

Отрывок Энгельса гласит:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями».

Умение иного толкования может сойти за талант, но с точки зрения доктрины это неправильно. Энгельс, как отмечает Сталин, не говорит точно - это взятие во владение всех средств производства или только части. Только социальное владение всеми средствами производства (большая и малая промышленность, сельское хозяйство) позволит отказаться от системы производства товаров. Карамба!

В 1919 году мы вместе с Лениным (и Сталиным) выходили из себя, чтобы заткнуть глотки упрямых социал-демократов и анархистов, доказывая, что средства производства нельзя было завоевать за один день взмахом волшебной палочки, и что именно из-за этого - и только из-за этого - нужен террор, диктатура. А сегодня публикуются новые учебники по политэкономии, где

признан абсурд, что все производство теряет свой товарный характер в тот день, когда функционер поспешит в Кремль, чтобы некому Сталину представить на подпись указ, что экспроприирует последнего курицу последнего члена последнего колхоза.

В другой части Анти-Дюринга Энгельс говорит об овладении «всеми средствами производства». Поэтому мы чувствуем необходимость разобраться, насколько *«Формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной»* (Сталин).

Рога пророка Авраама, это сильное заявление! По иронии судьбы, Фридрих Энгельс, вдумчивый, спокойный, выбирающий точные определения, кристально чистый Фридрих, мастер терпения, чемпион по очищению исторической доктрины от всей грязи; чья скромность и эффективность недостижимы (за спиной стремительного Маркса, который иногда мог бы казаться трудным для понимания широкого взгляда и превосходного языка, из-за чего, возможно, его легче было исказить); Энгельс, чей язык так доступен и открыт, и кто не пропускает ни одного необходимого слова из естествознания и научной дисциплины, не добавляя лишнего: это Энгельса наш автор обвиняет его в отсутствии точности и ясности!

Расставьте все по местам: здесь мы не в оргбюро или в комитете агитации, где вы, бывший товарищ Иосиф, могли воспринимать Фридриха на равных. Это школа принципов. Где он говорит о захвате всех средств? Может, где речь идет о товарах? Путаница? Ничуть. Энгельс вспоминает про взятие во владение всех средств производства:

«С тех пор как на историческую сцену выступил капиталистический способ производства, взятие обществом всех средств производства в своё владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам».

Мы не играем между ясностью и туманом. Для нас это уже не вопрос идеала, но именно науки.

И если Энгельс на протяжении нескольких страниц продолжит говорить об обществе как о хозяйке всех средств производства, особенно в отрывке, где он имеет дело со всей совокупностью

требований: ибо только благодаря этой революции будет достигнуто освобождение всех людей, как мы вспоминали на собрании в Риме. Затем Энгельс показывает, что утописты, особенно смелые Фурье и Оуэн, уже требовали уничтожения противоположности между городом и деревней, между ручным и умственным трудом, отмены социального и профессионального разделения труда (Сталин, по общему признанию, признал только первые два разделения, и серьезно ошибался в теории, утверждая: «*Эта проблема не ставилась классиками марксизма*»). По мнению утопистов население должно распределяться по стране группами от 1600 до 3000 человек, а умственный и физический труд должны постоянно чередоваться. Энгельс упрекает эти оправданные и возвышенные требования в одном: в отсутствии доказательств (которые первым дал марксизм) их реализации на основе уровня развития производительных сил, достигнутом тогда капитализмом, теперь устаревшим. В ожидании высшей революционной победы Энгельс описывает «*организацию производства*», при которой производительный труд «*из тяжёлого бремени превратится в наслаждение*», и вспоминает классическую исчерпывающую аргументацию 12-й главы первого тома «Капитала» о разрушении общественного разделения труда и фабричном деспотизме, средств раздробления человека. Ни Сталин, ни Маленков²⁰ не могут похвастаться тем, что сделали шаг вперед в этом направлении. Напротив, стахановщина и штурмовщина²¹ (диалектическая реакция бедных, искалеченных жертв деспотизма в освященных «потогонных системах») являются свидетельством движения в направлении всепоглощающего капитализма.

Сталин упрощает эти постулаты, сводя их к «исчезновению противоположности интересов» между промышленностью и

20 Маленков (1902-88): член Политбюро. После смерти Сталина премьер-министр; Он был лишен своего поста в феврале 1955 года, и после неудавшейся «попытки государственного переворота» против Хрущева в июле 1957 года он был окончательно свергнут как «партийный ребенок». Затем работал директором энергетической компании в Казахстане.

21 Стахановское движение: очередная попытка повысить производительность труда или установить сдельную заработную плату. Для Сталина она готовила «переход от социализма к коммунизму». Но вскоре стахановцы («герои труда») стали сдерживать производительность и постепенно «демонтировались» как политические лидеры. См. также Троцкий, глава «Стахановское движение» в «Преданной революции».

сельским хозяйством, между физическим работником и «руководящим персоналом». Но речь идет о чем-то совершенно ином: упразднение социальной организации, в которой существует фиксированное разделение людей на эти сектора и эти функции.

Где цитаты Энгельса хоть раз означали, что для возведения могущественного здания будущего общества не нужно разрушать фундамент меркантилизма уверенными ударами лопаты, разворачивая один за другим загнившие несущие столбы?

Мы конечно не можем повторять Сталину целые главы, обычно, мы приводим основные цитаты из них, потому что они ясны и однозначны, и мы принимаем их без оговорок, а не cum grano salis²². Мы знаем из горького опыта, как такие крупинки соли превращались в горы.

Энгельс пишет *«продукты равных количеств общественного труда обмениваются друг на друга. Это и есть закон стоимости — основной закон как раз товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства»*. Из этого отрывка понятно, что Дюринг, подобно Прудону, представляет будущее общество как рыночную экономику и не замечает, как описывает капитализм. *«Фантастическое общество»*, - говорит Энгельс. По крайней мере, Сталин описывает в своем презренном писании реальное капиталистическое общество.

Маркс: *«Представим себе, наконец, объединение свободных людей, работающих общими средствами производства и расходующих по заранее согласованному плану свои многочисленные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу»* (Капитал)

В Неаполе мы прокомментировали этот отрывок слово в слово, показывая, что это предложение - революционная программа. Коммунизм возвращается, с будущим достижением этой формы социальной, четко обозначенной, организации! - к Робинзону, с которого мы начали. Что это значит?

22 «С щепоткой соли» (дословно), с долей скептицизма.

Продукт Робинзона был не товаром, а всего лишь предметом потребления, так как обмен еще не появился. Вся история человечества была пройдена с высоты орлиного полета: «Здесь повторится все, что мы говорили только что о труде Робинзона, но в общественном (здесь, в упомянутой коммунистической ассоциации), а не в индивидуальном виде». Что еще нам следует изучить? Только азбуку, чтобы научиться читать! И мы читаем: продукт труда перестает быть товаром, когда общество становится социалистическим. И Маркс продолжает сравнивать это положение дел (социализм) с меркантильным производством, показывая, что диалектическое, совершенное, жестокое и непримиримое противоречие между ними.

Общество и отечество

Однако прежде чем перейти к вопросу об экономических законах, мы должны сказать несколько слов о сталинской версии социалистической программы, приведенной Энгельсом в «Анти-Дюринге». Это особенно необходимо, так как Сталин (опровергая различных российских экономистов) вовсе не пытается выйти за рамки классического текста или пересмотреть его и цитирует целые отрывки, выражая яростное «партийное суждение» против любого нарушения ортодоксии.

Снова и снова Энгельс говорит в своей фундаментальной работе о том, что все общество должно вступить во владение средствами производства и, прежде всего (мы подчеркиваем это сто раз в Prometeo), во владение продуктами - продуктами, которые сегодня господствуют над производителями и даже потребителями, поэтому, на наш взгляд, капитализм можно охарактеризовать как систему, которая отказывает производителям (а значит и обществу) в распоряжении не только средствами производства, но и продуктами.

В московском перефразировании «общество» исчезает, вместо этого всегда происходит передача средств производства государству, нации и (когда нужно расплакаться от переполненных чувств) народу, социалистическому отечеству (овации!).

Если подвести итог сталинскому повествованию, не умаляя его заслуг жестокой открытости, то захват средств производства, земли и крупных инструментов сельского хозяйства оказывается чисто юридическим вопросом, поскольку все его практические последствия ограничены страницами устава или в последней советской конституции (которая должна быть пересмотрена). Следует отметить, что эти торжественные декларации о законной собственности не имеют никакого отношения к действительному экономическому положению аграрной продукции, которая поделена между колхозами и индивидуальными колхозниками. Фактически, государственное владение актуально только в крупной промышленности, поскольку государство только здесь располагает продуктами и перепродает те, что являются предметами потребления. С другой стороны, на малых и средних предприятиях и в торговых компаниях государство никак не владеет производством, даже средствами производства. Это также относится к мелким инструментам семейного и парцеллярного аграрного хозяйства. Несмотря на существование огромных фабрик и гигантских проектов общественного строительства, республика, которая называет себя социалистической и советской, контролирует и распоряжается очень малым; и очень мало собственности было действительно национализировано и огосударствлено. Доля государственной собственности по отношению ко всей экономике может быть выше даже в некоторых буржуазных государствах.

Так кто же, какое тело, какая сила удержит в руках то, что было вырвано из частных рук после революции? Народ, нация, отечество? Энгельсу и Марксу никогда не нужны были эти слова. *«Ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил»*, отмечает Энгельс.

Только когда общество обладает властью распоряжаться продуктами, тогда становится ясно, что оно преодолело классовые противоречия и стало бесклассовым обществом. Но до тех пор, пока существуют классы, общество будет организовано тем *«одним классом»*, который должен уничтожить все классы, и, в качестве диалектического следствия, и самого себя как класс. Здесь делается ссылка на мастерское объяснение теории государства, которая

кристаллизовалась еще в 1847 году: «Пролетариат берёт государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность» (Энгельс цитирует здесь Маркса). *«Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство».* Тогда, и только тогда, и исключительно этим путем общество начнет действовать и, наконец, возымеет производительные силы, все продукты и ресурсы.

Но что значит народ? Смешение разных классов, «интеграл» экспроприаторов и рабов, политических или бизнес-профессионалов и голодающих, а потому угнетенных. «Народ», которые мы уже оставили всем ассоциациям, выступающим за свободу и демократию, свободу и прогресс, еще до 1848 года. С его пресловутым «большинством» народ не является субъектом экономического планирования, а просто объектом экспроприации и мошенничества.

А нация? В качестве необходимости и предпосылки для возникновения капитализма она выражает ту же смесь социальных классов, не как «народ» в устаревшем, юридическом и философском смысле, но на географическом, этнографическом и лингвистическом уровне. «Нация» тоже ничего не захватывает: в известных отрывках Маркс высмеял выражения *«национальное богатство»* и *«национальный доход»* (что играет важную роль в сталинском анализе России) и показал, что нация обогащается именно тогда, когда рабочий остается в дураках.

Если буржуазные революции и утверждение современной промышленности, которые вытеснили феодализм в Европе и различные другие системы в остальном мире, не были совершены во имя буржуазии и капитала, а исключительно во имя народа и нации, если это было в марксистской концепции революционным и необходимым переходом, то мы можем сделать вывод, насколько последовательно московиты вторят этому: отказ от марксистской политической экономии и отказ от пролетарского, революционного и интернационалистского «категориального» общества (категория прямиком из классических текстов), а также ориентация на

политические категории, присущие буржуазной идеологии и пропаганде: народная демократия и национальная независимость.

Не нужно удивляться, когда спустя 26 лет повторяется возмутительный лозунг, которым мы, марксисты, сожгли все мосты: «поднять» знамя буржуазии²³. Знамя, которое было поднято во времена Кромвеля, Вашингтона, Робеспьера или Гарибальди, а затем выброшено за борт; однако революция в своем движении оставит ее в грязи - потому что ложь и мифы о народах, нациях и родине противопоставляются социалистическому обществу.

Закон и теория

В дебатах также всплыло сравнение законов российской экономики с законами буржуазной экономики марксизма. Этот текст сражается диалектически на двух фронтах. Некоторые говорят: *«Если бы наша экономика уже стала социалистической, нам не нужно было бы детерминистически следовать по траекториям определенных экономических операций, но мы могли бы установить другое направление: например, национализация колхозов, отмена товарного обмена и денежной экономики. Если вы покажете, что это невозможно, то мы сделаем вывод, что живем в обществе с полностью капиталистической экономикой. Зачем себя обманывать?»* Другие, наоборот, хотели бы решительно отказаться от отличительных критериев социализма, установленных теоретическим марксизмом; Сталин стремительно отвечает обоим. Эти наивные исследователи, разумеется, не являются активными «политическими» элементами, иначе от них было бы легко избавиться. Мы имеем дело только с «техниками» и специалистами производственного аппарата, при посредничестве которого центральное правительство узнает, работает ли огромный механизм бесперебойно или застопорился; и в случае их правоты, ничего не заставило бы их замолчать: в той или иной форме возник бы кризис.

23 26 лет относятся к 1925 году, когда Зиновьев дал итальянским коммунистам лозунг: «Да здравствует свобода!» В 1952 году на 19-м съезде партии Сталин сказал: «Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднять»

Трудности, которые сегодня возникают или, точнее говоря, всплывают, не имеют академического, критического или даже «парламентского» характера - чтобы выйти за рамки этих швов, нет необходимости в «великом человеке», с этим справится и маленький политический парвеню. С другой стороны, трудности реальны, материальны, они заключены в вещах, а не в головах.

Для ответа на возражения центральное правительство вынуждено настаивать на двух вещах: во-первых, в социалистическом обществе люди также должны подчиняться экономическим законам, таковые нельзя обойти. Во-вторых, что эти законы, как бы они ни отличались в будущем полном коммунизме от законов капитализма, в социалистической фазе частично соответствуют законам капиталистического производства и распределения и частично отличаются от них. И если законы, что кажутся непреодолимыми, установлены, то нельзя игнорировать их или наказывать за их соблюдение, и особенно нельзя противоречить им.

Тогда возникает особый, но существенный вопрос: является ли закон стоимости тем законом, который продолжает действовать в российской экономике? И если да, то разве не каждый механизм, который придерживается закона стоимости, является чистым капитализмом? Сталин отвечает на первый вопрос: Да, закон стоимости действует здесь, хотя и не везде. И ко второму: нет, не всякая экономика, в которой действует закон стоимости, является капиталистической.

Во всем, торжественно представленном теоретическом «очерке», структура очень фрагментарна и особенно подходит противникам марксизма. Тем, кто использует «философское» оружие, будет легко, потому что действие законов природы и действие экономических законов на человеческий род между собой приравниваются; в то время как те, кто предпочитает «экономическое» оружие и кто уже столетие жаждет реванша против Маркса, считают, что уже победили: *«вам никогда не удастся обойти законы экономической рентабельности и конкуренции социальных интересов, как мы их понимаем».*

Мы должны различать теорию, закон и программу. В какой-то момент Сталин свободно говорит: «*Что касается Маркса, то он, как известно, не любил отвлекаться в сторону от изучения законов капиталистического производства*».

На последнем собрании нашего движения 6 и 7 сентября в Милане одной из главных тем было доказательство, что на каждом шагу Маркс показывает цель не холодного описания капиталистического факта, а продвижения цели и программы уничтожения капитализма. Речь шла не просто о том, чтобы победить эту старую грязную оппортунистическую легенду, а о том, чтобы показать, что вся марксистская работа имеет природу полемики и борьбы и поэтому не теряется, описывая капитализм и «условный» капитализм, но вместо этого он описывает капиталистическую систему, абстрактную, да, несуществующую, да, это типичный капитализм, который тем не менее полностью соответствует прославляющим тезисам буржуазных экономистов. На самом деле имеет значение столкновение - классовое столкновение, партийное столкновение, а не тривиальная дискуссия интеллектуалов - между двумя позициями: той, которая хочет доказать постоянство, вечность капиталистической машины, и той, которая демонстрирует приближающуюся смерть. В этом свете революционер Маркс стремился признать, что часовой механизм, идеально отстроенный свободой конкуренции и правом каждого индивида производить и потреблять по одним и тем же правилам, хорошо смазан. Такого в реальной истории капитала не было, нет и не будет, но конкретная действительность даже удобнее для наших демонстраций. Короче говоря, если бы капитализму удалось увековечить еще одно столетие с идиллической легкостью, аргумент Маркса потерпел бы крушение, Тем не менее, он сияет в полную силу по мере продолжения капитализма, но с монополией, угнетением, диктатурой, бойней, и его экономическое развитие в точности соответствует результатам чистого анализа: подтверждение нашей доктрины, опровержение лакеев капитала.

В этом смысле Маркс посвятил всю свою жизнь описанию социализма, коммунизма; если бы это касалось только описания капитализма, ему было бы на это наплевать.

Маркс действительно исследовал и развил «экономические законы» капитализма, но метод, которым он это сделал, указывает на систему социалистических характеристик целиком и в диалектическом противоречии с ними. Итак, придерживается ли социализм этих законов? Они другие? И если да, то какие?

Одну минуту! В центр марксистской работы мы помещаем программу, и это еще один момент для трезвого исследования. *«Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его».* Это «Тезисы о Фейербахе», и каждый образованный идиот добавляет: тезисы «молодого Маркса». Но перед программой и даже перед описанием обнаруженных законов должно быть определено учение в целом, система «теорий».

Например, Маркс нашел некоторые из этих теорий у своих противников: теория стоимости Рикардо, а также теория прибавочной стоимости. Эти теории (мы не хотим утверждать, что Сталин никогда их не знал) представляют собой нечто иное, как «закон стоимости» или «закон о прибавочной стоимости», которые тщательно разобрал Маркс и который, чтобы не путать менее опытных из нас, можно назвать *«законом обмена эквивалентами»* и *«законом об отношении нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли».*

Важно сначала прояснить различие между теорией и правом, различие, которое также применяется в естественных науках. Теория - это представление реальных процессов и их взаимосвязей, чтобы облегчить общее понимание в определенной области - предвидение и модификация этих процессов происходят только после этого. Закон - это точное выражение определенных отношений между несколькими, и, в частности, двумя наборами материальных фактов: отношения, действительность которых может быть проверена в любой момент и которая позволяет нам вычислить неизвестные отношения (независимо от познаний в философии. Например, с помощью хорошо изученного закона я могу сказать, насколько высок уровень моря был тысячу лет назад, единственное отличие, которое я не могу проверить, это то, насколько воняет глупость, поднявшаяся до небес). Теория - это что-то общее, закон - это нечто совершенно четко определенное и особенное. Теория, как правило,

качественная и служит для определения величин или объектов. Закон является количественным и направлен на числовое измерение.

Пример из физики: в истории оптики две теории света с переменным успехом вытесняли друг друга. Согласно теории частиц, пропускание света состоит из движения мельчайших «корпускул», в то время как волновая теория объясняет это колебанием постоянной среды. Теперь самый простой закон оптики, закон отражения, гласит, что луч, попадающий в зеркало, образует угол падения, равный углу отражения. Этот закон подтверждается тысячу раз: охотник за юбками точно знает, где он должен стоять, чтобы понаблюдать за красивой соседкой, когда та причесывается перед зеркалом: на самом деле закон совместим с обеими теориями. Это были разные явления и законы, которые определили выбор.

Согласно тексту Сталина, «*закон обмена эквивалентами*» так гармонично примирился с «теорией» Сталина, которая гласит: в социалистической экономике существуют формы товарного производства, а также с нашей (скромной) теорией, которая гласит: наличие товарного и крупного производства означает капитализм. Проверить закон легко, мы едем в Россию и видим обмен в рублях по заданным ценам, как на любом банальном базаре: применяется закон обмена эквивалентами. Понять, какая теория правильная, немного сложнее, пришло время сделать выводы: мы говорим - в России полный, открытый и подлинный капитализм; Сталин изобретает теорию и открывает законы и спорит с Марксом: экономические явления социализма обычно подчиняются закону обмена (закону стоимости).

Природа и история

Прежде чем мы перейдем к вопросу о том, какие законы установленные Марксом, отличают капитализм от социализма, и какие являются общими для обеих систем (возможно), мы должны указать на общее уравнение законов природы и социальных законов.

Будучи учеником Маркса, мы должны быть борцами и полемистами; мы не должны решать такой вопрос схоластически и настаивать на теоретической аналогии обеих областей, чтобы «политически» избежать следующего аргумента: *«Хорошо, если социальные законы не так нерушимы, как, например, закон гравитации, тогда мы способны отбросить некоторые»*.

Как мы могли забыть, что борьба между гигантским Марксом и проплаченной бандой в университетах капитала разразилась по поводу того, что законы буржуазной экономики не являются «законами природы», можем ли мы разорвать этот круг и будем ли это делать? Верно, что сталинское письмо напоминает нам, что марксовы законы экономики не «вечны», а относятся к определенным социальным стадиям и эпохам: рабству, феодализму, капитализму. Но Сталин хочет указать, что *«определенные законы»* являются общими для всех эпох и поэтому также применимы к социализму, который, следовательно, должен также иметь свою собственную *«политическую экономику»*. Сталин высмеивает Ярошенко и Бухарина, которые говорят, что политическая экономия следовала *«технике социальной организации»*. Он грубо отвечает, что эта новая дисциплина, которая была принята псевдомарксистскими экономистами, трепетавшими перед царской полицией²⁴, на самом деле является *«хозяйственной политикой»* - и в таком виде она допустима. Хорошо, давайте решим: если в социализме будет экономическая наука, мы ее обсудим, расставим все условия по полочкам²⁵; но когда все еще существует экономическая политика (как, впрочем, и при диктатуре пролетариата), присутствуют соперничающие классы, еще никто не пришел к социализму. И мы подобно Ленину обязаны спросить: у кого есть власть? И затем: экономическое развитие - поэтапное, мы согласны с этим - как оно происходит? Вот что скажут нам законы развития.

24 Намек на Бухарина и Богданова

25 *«Что вышеупомянутое взвешивание полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве представляет собой всё, что остаётся в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость, это я высказал уже в 1844 г. («Deutsch-Französische Jahrbücher»)*. Но очевидно, что научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря *«Капиталу»* Маркса» Энгельс, Анти-Дюринг.

Что касается общего вопроса о законах в природе и истории, то он будет рассмотрен в наших теоретических исследованиях, где мы противостоящим ожидаемым нападениям на марксизм, - учитывая, что 999 из 1000 писателей считают Москву его официальным штабом - нападениям на сталинское консервирование теории исторического материализма (то есть теории, а не закона) и на вопросы детерминации и воли, причинности и цели. Первоначальным содержанием позиции Маркса (плохо понимаемой и очень неудобной для людей, проводящих политику оппортунистического успеха) всегда является прямая классовая борьба и исторический антагонизм между классами, борьба, использующая то пишущую машинку, то пулемет, с тех пор, когда уже нельзя говорить о «пере и мече». Мы аплодируем буржуазии в ее борьбе против старых классов, когда она выдвинула критически-научный метод и смело применила его в области природы, а затем и общества. Она открыла и провозгласила теорию, которая теперь принадлежит и нам: теория стоимости (стоимость товара определяется рабочим временем, общественно необходимым для его производства) и теория прибавочной стоимости (стоимость каждого товара содержит авансированный капитал и прибавочную стоимость, то есть возврат и прибыль). И торжествующе буржуазия тогда заявила: *«Если вы признаете...»* (а наука признает это столетием спустя), *«...что к первичной туманности применяются те же физические законы, что и к нашей современной планете, то вы должны признать, что нынешние социальные условия применимы ко всем будущим обществам, поскольку по взаимному согласию мы исключаем как вмешательство Бога, так и чистое мышление природы и общества»*. Марксизм, напротив, предоставляет научное доказательство того, что в социальном космосе происходит цикл, который разрушит капиталистические формы и законы, и что будущий социальный космос будет подчиняться другим законам. Поскольку вы не возражаете против перефразирования или кастрации могущественной теоретической конструкции по смешным причинам внутренней и внешней политики, то мы выступаем за исключение прилагательных «марксистский», «социалистический» и «коммунистический» из ваших слов и предлагаем использовать «экономический», «народный», «прогрессивный», они подходят идеально.

Маркс и законы

Энгельс называл Маркса основателем исторического материализма. Маркс объяснял, что его вклад в применение этой теории в современном мире состоял не в открытии классовой борьбы, а в введении понятия диктатуры пролетариата.

Поэтому теория заканчивается в классовой и партийной программе, в организации рабочего класса для восстания и захвата власти. В этой грандиозной перспективе - исследование законов капитализма. Два реальных и фундаментальных закона записаны в Капитале. В первом томе описан общий закон капиталистического накопления, также известный как закон растущего обнищания (к которому мы часто обращаемся): с ростом концентрации капитала растет число пролетариев и «безрезервных»; Мы уже неоднократно заявляли, что это не обязательно означает снижение уровня потребления и реального уровня жизни работников. Во втором и третьем томах развивается закон воспроизводства капитала (который связан с законом тенденции нормы прибыли к понижению, к которому мы вернемся): часть продукта, а значит и труда, должна быть выделена капиталистами для воспроизводства изношенной техники, фабрик и т.д. Если капиталист увеличивает долю этих резервов, он «инвестирует», т.е. он расширяет запас оборудования и средств производства. Законы Маркса о распределении общественного продукта между средствами непосредственного потребления и средствами производства доказывают, что, пока существует система торговли и наемного труда, система ведет к кризисам и революциям.

Конечно, первый закон неприменим к социалистическому обществу, потому что оно организовано так, чтобы сделать социальный резерв индивидуальной гарантией для всех, хотя этот резерв не принадлежит никому и не разделен, как в докапиталистические времена, на мелкие крупы. Второй закон, говорит нам Сталин, сохраняется и в социализме; и он уверяет, что Маркс предвидел это. Марксизм просто утверждает (среди прочего, в известном отрывке «Критики Готской программы»), что даже при коммунизме будут существовать социальные вычеты, взятые из индивидуального труда, для сохранения производственных мощностей в добром здравии, обеспечения социальных услуг и т.д.

Он не будет иметь эксплуататорского характера именно в том смысле, что он не будет проходить по коммерческому маршруту, и именно поэтому фонд социального резерва создаст устойчивое равновесие, а не серию потрясений, в сети взаимосвязанных продуктов, что являются предметами потребления, и теми, которые служат для дальнейшего производства.

Суть заключается в этом: Сталин делает важное признание в том, что, поскольку в государственной промышленности действует закон стоимости, их действия основаны на «хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т. п.» (Сталин). Мы понимаем «и т. п.» как прибыльность. Кроме того, он объясняет, будущая программа заключается в увеличении производства средств производства, а это означает, что «планы» советского правительства по индустриализации страны - это не столько предметы потребления для людей, сколько прежде всего машины, это производство сельскохозяйственных инструментов, тракторов, удобрений и т. д. и гигантские общественные проекты.

Планы в сторону: капиталистические государства строят планы, пролетарская диктатура строит планы. Но первый настоящий социалистический план (который надо понимать как непосредственное деспотическое наступление, см. «Манифест») в конечном счете будет планом увеличения издержек производства, сокращения рабочего дня, дезинвестиций капитала, количественного и особенно качественного выравнивания потребления (которое при капиталистической анархии на девять десятых является абсурдным расточительством продукта), потому что только так можно будет справиться с «рентабельностью предприятий» и «выгодными ценами». Итак, план недопроизводства для резкого сокращения доли средств производства в производстве. Закон воспроизводства сразу же будет нарушен, когда марксово «подразделение II» (производство предметов потребления) в конце концов сумеет отбить место «подразделения I» (производство средств производства). Во всяком случае, капиталистический «оркестр» слишком долго наказывал наши барабанные перепонки.

Средства потребления - для рабочих, средства производства - для предпринимателей. Если хозяином средств производства является рабочее государство, то, конечно, сразу же должно быть

принято, что в интересах рабочих «инвестировать» и работать полдня для подразделения II! Когда Ярошенко сокращает критику ошеломляющего роста средств производства до формулы «примат потребления вместо примата производства», то его речь становится банальной. Не менее плоскими - чтобы незаметно пронести государственный индустриализм под социалистическим знаменем - являются агитационные формулы вроде «кто не работает, тот не ест» или «отмена экспроприации человека человеком», как будто высшей целью экспроприированного класса было наблюдение за собственной экспроприацией.

Даже если анализировать только внутреннюю структуру, российская экономика фактически подчиняется всем законам капитализма. Как можно увеличить производство непродовольственных товаров без пролетаризации людей? Откуда взять их? Это путь первоначального накопления, и в большинстве случаев его методы столь же жестоки, как и описанные в «Капитале». Иногда оно распространяется на колхозников, резко оставшихся без коровы; иногда на пастухов-кочевников Азии, оторванных от созерцания звезд Большой Медведицы; или на феодальных крепостных в Монголии, изгнанных из своей тысячелетней камбалы. Безусловно, сопровождающий лозунг: больше инструментов для производства, больше рабочих, больше рабочего времени, выше трудоемкость - иными словами: расширенное накопление и воспроизводство капитала адскими темпами.

Это честь, которую мы, кучка идиотов, оказываем «великому Сталину». По мере развития процесса первоначального накопления капитала, если он охватит провинции огромного Китая, таинственного Тибета, легендарной Центральной Азии (из которой возникла европейская родословная), то станет революционным, а колесо истории совершит еще один оборот. Но это не социалистический, а капиталистический процесс. В этой огромной части земного шара необходимо возвеличивание развития производительных сил. Сталин совершенно справедливо говорит, что это не его заслуга, это экономические законы, навязывают ему такую «политику». Все его начинание заключается в ложном фасаде: это тоже классический метод для носителей первоначального накопления!

На Западе, с другой стороны, обильные производительные силы долгое время вызывали приливную волну, заставляя государства подавлять, поглощать рынки и регионы, готовиться к массовым убийствам и войнам. Здесь нет необходимости в планах по увеличению производства, а только в уничтожении группы преступников. Прежде всего, план выбросить их зловонный флаг свободы и парламентаризма на помойку.

Социализм и коммунизм

Мы закроем экономический спор синтезом стадий будущего общества, по поводу которых «документ» (мы все время искали это слово) Сталина приносит небольшой беспорядок. «France Press» обвинила его в плагиате статьи Николая Бухарина об экономических законах переходного периода. Однако Сталин упоминает текст несколько раз и даже использует критику, написанную Лениным²⁶. Бухарин имел большие заслуги, когда ему было поручено подготовить программу Коминтерна, которая оставалась проектом, акцентирующим главное внимание на антимеркантилистском постулате социалистической революции. Он также следовал Ленину в анализе перехода «в России» и в признании того, что при диктатуре пролетариата торговые формы должны были пострадать.

Все становится ясно, когда обнаруживается, что период, описанный Лениным и Бухариным, только предшествует двум этапам коммунистического общества, о которых говорит Маркс, и которые Ленин иллюстрирует в великолепной главе «Государство и революция».

Следующая схема может служить кратким изложением, безусловно, непростой темы сегодняшнего «диалога».

Переходная стадия: пролетариат завоевывает власть и должен объявить непролетарские классы вне закона, именно потому, что их нельзя «отменить» сразу. Это означает, что пролетарское государство контролирует экономику, уменьшающаяся часть которой знает торговое распределение и даже формы частного

26 Замечания Ленина на книгу Н. Бухарина: «Экономика переходного периода»

характера продуктов и средств производства (сконцентрированных или рассеянных). Экономика пока еще не социалистическая, а переходная.

Низшая стадия коммунизма, или, если угодно, «социализм»: Общество уже дошло до обобществления продуктов и распределяет их между своими участниками посредством плана относительно «нормирования». Здесь больше нет функций обмена и денег. Нельзя как Сталин объявить, что простой обмен без денег, но с действующим законом стоимости, может быть перспективой достижения коммунизма. Напротив, это означало бы своего рода возврат в бартерную систему. Распределение продуктов должно быть скорее из центра и без какого-либо эквивалента в обмене. Пример: когда вспыхивает эпидемия малярии, в зараженной области лекарство хинин распространяется бесплатно, но в пропорции один тюбик на жителя.

На этой стадии есть не только обязательство трудиться, но и учет рабочего времени и соответствующее свидетельство, то есть известный трудовой талон, который столько раз был обсуждаем за последние сто лет. Талоны не подлежат накоплению, и любая попытка этого повлечет потерю данного количества труда без эквивалента. Закон стоимости похоронен (Энгельс: «общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости»).

Высшая стадия коммунизма, которую можно без колебаний назвать также «полным социализмом»: производительность труда становится такой, что не нужно больше лишних затрат человеческих сил и продуктов (за исключением патологических случаев), так же как и принуждения и учета. Достигается полная свобода в потреблении. Пример: аптеки распространяют хинин свободно и без ограничений.

А если кто-то возьмет себе 10 тюбиков чтобы отравиться? Это, очевидно, настолько же глупо, как и спутать гнилое буржуазное общество с социализмом»

На каком из этих трех этапов находится Сталин? Ни на одном. СССР в переходе не от капитализма, а к капитализму. Почти респектабельно, а не самоубийственно.

Третий день (Утро)

В первый день мы обсуждали тот факт, что каждая система товарного производства является капиталистической системой, когда огромные скопления товаров производятся массами людей. Капитализм и товарное производство исчезнут вместе из сфер деятельности или сфер влияния, которые они завоеванных ими в современном мире.

На второй день мы снова занялись этой темой; переходя из общего процесса к сегодняшней российской экономике, мы подчеркнули законы, озвученные Сталиным в отношении российской экономической структуры. Это подтвердило наш диагноз чистого капитализма, на стадии «государственного крупно-индустриализма».

По мнению нашего оппонента, этот четко определенный и конкретный процесс, применяемый к обширным территориям и населению, что может привести к накоплению и концентрации тяжелой промышленности, ничем не уступающей другим, основан исключительно на ликвидации землевладельцев с 1917 года и протекает без надобности повторять жестокую экспроприацию низших слоев населения, как это имело место в Англии, Франции и т.д., которые попали в ловушку самодостаточных местных хозяйственных кругов и раздробленной практики труда.

Если этим последним пунктом он желает сказать только то, что всестороннее внедрение современной техники труда средствами прикладной науки проходит совершенно отличным от того, что было много веков назад, из-за сменившейся мировой ситуации, то это могло бы стать предметом особого исследования, в частности трактовки «аграрного вопроса». Возможно, Сталин докажет, что полный капитализм достигается не на повозке с лошадьё, а на самолете, но, по крайней мере, он должен указать «направление». Мы, пешеходы, посылаем ему данные со многих наземных баз - но даже радар выйти из строя.

А теперь третий момент: международные отношения в сложном общем контексте производства, обмена и потребления; политические и военные отношения власти.

Эти три пункта - это просто аспекты одного и того же большого вопроса. Первый может быть описан как исторический аспект, второй - как экономический аспект, а третий - как политический аспект. Направление и цель исследования собрать все воедино.

Продукты и обмен

В своих теоретических поправках и соответственно резких обращениях против возражений «товарищей» российскому государственному и партийному лидеру, видимо, нужно всякий раз менять стороны, когда он переключается от хождений по стране к прогулкам за её пределами. Мы уже упоминали, и читатель сам вспомнит, как западные «пограничники» в этот момент наострили уши. Далекий от того, чтобы снова затянуть песню тысячелетней автаркии, Человек в Кремле спокойно навел бинокль на участки за железным занавесом; и затянул старые истории о разделе сфер влияния как альтернативе бряцанию саблей и разрыву отношений. Но менее пронзительно и глупо, чем преступление геноцида или бред агрессии.

Сталин утверждает, что способ, каким в пределах России (и в братских странах) промышленные товары присваиваются сельским населением, а аграрные продукты - городскими жителями, вполне соответствует социализму - уничтожая всех и вся цитатами Маркса и Энгельса, при необходимости исправленными предложениями и формулировками ex officio. Колхозы «свободно» продают свою продукцию – другого способа завладеть их излишками нет; только через рынок, но по особым правилам: государственные цены (Новизна! Эксклюзивное блюдо!) и даже особые «договоры» о поставках товаров с «нетоварным характером»²⁷, потому что государственные компании не работают с деньгами, а проводят компенсационные операции (весьма своеобразные! Образцом для подражания служит продавец деликатесов за соседним углом,

27 Сталин берет слово «товар» в кавычки, предлагая заменить выражение «доставка товаров» через «продуктообмен» и считает, «переход от социализма к коммунизму» означает сужение сферы товарного обращения и расширение сферы продуктообмена

американский морпех, который точно знает об эквивалентности поцелуев и сигарет, и обыденные «зачистки» западных стран!). Однако господин не находит уместным выражение «договоры о продаже», и ему приходится говорить о продуктообмене (и это не ошибка в переводе). Короче говоря, все более или менее обычные эквивалентные системы, от случайного обмена дикарей до денег как универсального эквивалента для всех продуктов, до тысячи систем учета производительности и вознаграждений, которые простираются от книги домашнего хозяйства до сложного банковского дела, где электронные мозги складывают бесконечные числовые ряды, в то время и тысячи новобранцев в день наполняют удушающий флот рабочей силы – зачем все это возникло, если не для продуктообмена?

Но Сталин хочет обойти острую суть проблемы, а именно, что из «баланса» обмена между эквивалентами возникает частное накопление; по его словам, против этого есть гарантии.

Даже генералиссимусу трудно удержаться в седле с таким тезисом и поочередно фехтовать в двух направлениях – удар по теоретической строгости, удар по ревизионистским уступкам. Эластичность истинного ленинского большевизма? Нет, эkleктика, гласил наш ответ; это стало бы последней каплей для большевиков.

Теперь, как бы то ни было, о внутренних обстоятельствах (расследование которых не завершено ни сегодня, ни в рамках этого исследования), как только речь заходит о внешних отношениях, даже у Сталина есть оговорки. Товарищу Ноткину нужно много объяснить, поскольку он утверждал, что машины и инструменты, производимые на государственных предприятиях, тоже являются товарами. У них есть стоимость, их цена установлена, но ведь это не товар!? - воскликнул Ноткин, схватившись за голову. Стоимость и цена, по словам Сталина, «*необходимо для того, чтобы в интересах внешней торговли осуществлять дело продажи средств производства иностранным государствам. Здесь, в области внешней торговли, но только в этой области*» (подчеркнуто в оригинале), «*наши средства производства действительно являются товарами и они действительно продаются (без кавычек)*».

Последние скобки взяты из официально изданного текста. Вероятно, несведущий Ноткин поставил кавычки вокруг слова «продаются», которое изрядно воняет с точки зрения марксизма и большевизма. Он пропустил последние учебные курсы.

Через несколько лет нас заинтересует следующие данные: объем торгового баланса, то есть отношение между импортом и экспортом товаров. И еще одно: должен ли этот баланс быть положительным или отрицательным? Из так называемого закона планомерного «пропорционального» развития народного хозяйства мы знаем, что общий продукт должен расти с бешеной скоростью. Пусть мы и не понимаем по-русски, но воспринимаем это как: планы непрекращающегося роста производства, т. е. закон роста населения в процентах или в других сложных аналогичных единицах измерения. Поэтому мы предлагаем следующее, правильное обозначение: планирование роста в геометрической прогрессии. Если бы «кривая» была правильно нарисована, мы бы с нашими скромными познаниями сказали следующее: социализм начинается там, где эта кривая переламывается.

На сегодня мы отмечаем уступку Сталина: продукты, предназначенные для внешней торговли, в том числе и средства производства, являются товарами, не только «формально» для бухгалтерского учета, но и по «сути».

Они едины. Достаточно было обсудить несколько тысяч километров, чтобы в конце концов все-таки о чем-то договориться.

Прибыль и прибавочная стоимость

Еще немного терпения, потом мы поговорим о высокой политике и стратегии, и тогда недовольство прекратится, потому что все сразу поймут, о чем идет речь: нападет ли Цезарь? Помпей сбежит? Увидимся ли мы снова в Филиппах? Мы собираемся пересечь Рубикон? Это желанная тема сделает вас счастливым.

Но мы должны указать еще на один момент марксистской экономики. Сила вещей приводит маршала к взрывоопасной проблеме мирового рынка. СССР, по его словам, поддерживает свои братские страны с помощью экономической помощи, которая

ускоряет их индустриализацию. Эта помощь оказывается как Чехословакии, так и Китаю, т.е. уже капиталистической страны и территории, в которой капиталистическая форма только начинает развитие и составляет лишь небольшую часть общего объема производства? Смотрите. *«Можно с уверенностью сказать, что при таких темпах развития промышленности скоро дело дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпускать на сторону избыточные товары своего производства»* (Сталин). Что еще раз наводит на вопрос: если производство для экспорта на Запад это товарное производство; какое производство тогда внутри России?

Важный факт в этом возвращении к объясненным выше признакам меркантилизма, который как по форме, так и в сущности, идентичен капиталистической системе (если учитывать их косметические различия в экономике), заключается в императиве: экспортировать, чтобы производить еще больше! В сущности, это тот же императив, который действует в границах якобы «социалистической страны»: это отношения между городом и деревней, между хваленными классами, заключившими союз, является в действительности балансом импорта-экспорта, потому что, как мы уже видели, они пришли к закону геометрической прогрессии: «Производить больше! Производить больше!».

Что еще остается от марксизма? Да очень мало! С тех пор как *«рабочий класс... держит в своих руках власть»*, по словам Сталина, «необходимо» откинуть оскорбительные формулы, которые отличают необходимый труд и прибавочный труд, оплачиваемый и неоплачиваемый труд! И хотя закон о прибавочной стоимости (который здесь, по сталинским критериям, является только зоологической теорией, а не законом) сперва был помилован, то с сегодняшнего дня действует следующее: *«Говорят, что закон средней нормы прибыли является основным экономическим законом современного капитализма. Это неверно. Современный капитализм, монополистический капитализм...»* (бедный Маркс, ты знал об этом?) *«...не может удовлетворяться средней прибылью, которая к тому же имеет тенденцию к снижению ввиду повышения органического состава капитала»*. В то время как второстепенное

предложение («*учтя при этом...*») похоже, на мгновение возвращает к жизни потухший марксистский закон, то в силу вступает новый закон: требование максимальной прибыли «*это и будет основной экономический закон современного капитализма*» (Сталин).

Если огнемёт не остановится на библиотеке классиков, то он не пощадит даже его усы.

Эти извращенные противоположные тезисы, стремящиеся обезопасить себя от любого возражения, невыносимы. Сначала утверждается, что экономические законы монополистического капитализма полностью отличаются от законов капитализма «*времен Маркса*». Далее те же контртезисы утверждают, что экономические законы социализма вполне могут остаться теми же, что и у капитализма. Быстрее на свежий воздух!

Героически вернемся к азбуке. Надо понимать разницу между массой прибыли и массой прибавочной стоимости, между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости и помнить, какое значение имеет закон Маркса, придирчиво разоблаченный в начале III тома Капитала, о тенденции средней нормы прибыли к понижению. Читаем и разбираем! Не капиталист стремится к снижению прибыли! Падает не прибыль (масса прибыли), а норма прибыли! Не норма какой бы то ни было прибыли, а средняя норма социальной прибыли. Не еженедельно или по случаю выхода каждого номера журнала «Financial Times» а исторически, в predetermined Марксом развитии к «общественной монополии средств производства» в тисках капитала, возникновение, жизнь и смерть которого уже предвидены.

Тот, кто понимает это, может также увидеть, что все усилия не какого-либо отдельного капиталиста (для Маркса это второстепенная фигура), а исторической машины капитала (этого тела, наделенного жизнью и душой) обойти закон тенденции нормы прибыли к понижению тщетны; и именно этот закон позволяет нам сделать вывод о следующих классических тезисах (которые запутавшийся Сталин вновь проповедует):

Первое: неизбежность войны между капиталистическими странами;

Второе: неизбежность революционного падения капитализма во всех странах.

Именно эти гигантские усилия, которые капиталистическая система разворачивает в борьбе с собственным коллапсом, выражаются в лозунге: производить все больше и больше! Не только во время стагнации, но и в любой другой момент добиться максимального увеличения. В математике: геометрическая прогрессия; в музыке: «Крещендо Россини»²⁸ (нарастание). И с этой же целью (когда-то вся страна механизировалась): экспорт. И хорошо помните поговорку прошлых пяти веков: «Торговля следует за флагом».

Но это, Джугашвили, ваш лозунг!

Энгельс и Маркс

В качестве доказательства мы должны еще раз вернуться к Марксу и Энгельсу. На этот раз сосредоточимся не на завершенных и полных текстах, написанных первым или вторым в едином порыве, с полной силой и новаторским импульсом тех, кто не знает ни сомнений, ни смущений и устраняет препятствия, не заботясь об их сопротивлении. Речь пойдет о друге Маркса, об «исполнителе завещания», написавшем почти драматические предисловия к второму (5.5.1885) и третьему (4.10.1894) томам «Капитала». В первую очередь ему досталась огромная масса материалов и рукописей - они варьируются от проработанных глав до свободных, исписанных комментариями листов, заметок, конспектов, неразборчивых сокращений, обещаний относительно последующих пунктов, а также неоднозначных и вкратце изложенных страниц – что объясняется ухудшающимся здоровьем Маркса, неизбежными последствиями прогрессирующей болезни, которая навязывает ему перерывы, которые скорее снижают мужество и больше атакуют его сильный разум, чем помогают ему выздороветь. Неизмерима работа, проделанная этой человеческой машиной в 1863-1867 годах, в том числе заверченный первый том его основного произведения. Уже в

28 Джозаккино Антонио Россини - итальянский композитор.

1864-65 годах болезнь проявила первые признаки расстройства здоровья, непреклонный взгляд его великого «сотрудника» Энгельса отмечает следы её разрушительных последствий в неопубликованных тетрадах. Но после этого та же изнурительная работа – расшифровка, отсеивание, диктовка, перестановка текстов, классификация материала: все это с решительным желанием не вносить ничего самостоятельно – превосходит силы чрезвычайно надежного Энгельса. Слишком долго он проводил ночи над сочинениями своего друга; слабость зрения заставляет его страдать, ограничивая *«до минимума мое рабочее время для письменных занятий»*, заставляя, *«браться за перо при искусственном освещении лишь изредка»* (Предисловие к третьему тому «Капитала»). Ни побежденный, ни отчаявшийся, он искренне и смиренно приносит свои извинения – большего он себе не позволяет. Скромно он оповещает о всех оставшихся местах, где основная нагрузка все больше и больше ложилась на него «одного». Через год он умер.

Это не несет ни второстепенного, ни тонкого значения. Следует лишь дать понять, что претензия на редакционную тщательность, определившую компиляционную работу Энгельса приводит к тому, что в двух последних томах Капитала почти полностью отсутствуют периодически повторяющиеся разделы синтеза и обобщения. Мы также обязаны перу Энгельса за комментарии, и хотя они немногочисленны и не меняют сути дела; он не хочет дописывать того, *«что все же не было бы книгой Маркса»*, и поэтому ограничивается анализом. Иначе это повлекло бы за собой определенные сомнительные интерпретации (сегодня, как и полвека назад), например, печальная легенда о том, что в последнем томе Маркс якобы отказался – в зависимости от личных вкусов комментаторов - от философии, экономической науки или политики. На самом деле в I томе есть ровно столько явных отсылок на ранние сочинения или «Манифест», сколько и в последних сочинениях, и тысячи отрывков писем подтверждают это.

«Анализ» Энгельса занимает очень мало места. Заметим только, что в одном из немногочисленных выводов Маркс говорит, почему он так основательно занимается законом падения нормы прибыли. Энгельс не решается вставить этот фрагмент текста без изменений и помещает его в скобки *«потому что, представляя собой переделку*

замечания из оригинала рукописи, они все же в некоторой части изложения выходят за пределы материала, содержащегося в оригинале».

«{Таким образом, для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на оплачиваемой части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда, как это вкратце было уже указано в «Капитале», кн. I, гл. XIII» (стоимость, перенесенная с машины на продукт; «актуально», не так ли?). «При этом капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, измеряемое в геометрической прогрессии (sic!) развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в приведённом случае (сопротивление капиталистов внедрению машин с более высокой отдачей), препятствует развитию производительности труда. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и всё более и более изживает себя»}».

Если не брать в расчет обывательские возражения, спустя еще 60 лет капитализма (правда, уже с выраженным запахом гнили) надо не вычеркнуть, а трижды поставить фигурные скобки, чтобы в словах «неуместного» Маркса выделить программные тезисы, которые он так «любил» вставлять в свой проницательный и глубокий анализ. Значит, капитализм рухнет. Что насчет пост-капитализма? Верно следующее: поскольку производительность каждой единицы труда повышается, мы не увеличиваем массу продукта, а сокращаем рабочее время живых. Почему Запад не хочет об этом знать? Потому что есть единственный способ избежать закона падения нормы прибыли: перепроизводство. А Восток? Ситуация ничем не лучше. Но справедливости ради следует сказать, что там капитализм еще переживает свою молодость.

Норма и масса

Пора снова обратиться к дедуктивному умозаключению закона, ведь пока что мы не слепы, во всяком случае, еще не планируем

уходить в отставку. Обойдемся без языка чисел, алгебраической символики, и, по возможности, заполучим краткое и пунктирное описание, а также тон басни. «Если бы товары обладали даром слова, - говорит Маркс в одном из этих замечательных мест «Капитала», - они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости».

Итак, мы установили микрофон на рыночной площади, где собираются товары, привезенные из России и Америки. Сверху позволили им говорить на общем экономическом языке. Для обоих товаров действует священный принцип, что их рыночная цена стремится быть выше издержек производства (иначе бы они не добрались так далеко). В обеих странах стараются производить эти товары с низкими затратами и продавать по высоким ценам.

Товар, который приходит из страны с капиталистической теорией, говорит следующее: «я состою из двух частей и поэтому кажется, будто у меня один сварной шов: издержки производства (живой и израсходованный аванс моего производителя) и прибыль, которые вместе составляют точную сумму, ниже которой я не смогу следовать своим принципам, без обмана. Чтобы привлечь покупателя, я довольствуюсь скромной прибылью: простое отношение – прибыль, деленная на издержки производства, – вы можете проверить норму этой прибыли. Предположим, что мои затраты составляют 10, а вы можете приобрести меня за 11, проявите ли жадность и скажите, что десятипроцентная норма излишне высока? Подойдите ближе, дамы и господа...».

Сейчас мы передадим микрофон другому товару. Он говорит так: «у нас марксистская экономика имеет решающее значение. Вы видите на мне два сварных шва. У меня нет оснований скрывать: я состою именно из трех, а не из двух частей. Вы не видите этого в первом товаре, и в этом вся хитрость. Для производства меня существуют два вида затрат: сырье, используемые инструменты и тому подобное, что называется инвестированным в меня постоянным капиталом, и оплата человеческого труда, которую мы

называем переменным капиталом. Их сумма составляет то, что товар, выступавший передо мной, называл издержками производства. Кроме того, нужно добавить сальдо, прибыль или выгоду, который является моей третьей и последней частью: прибавочной стоимостью. За постоянную часть авансированного капитала мы не просим ничего дополнительно, поскольку мы знаем, что она не прибавляет стоимости: только труд, т.е. переменная часть авансированного капитала создает стоимость. Если вы хотите таким образом определить процент или норму не прибыли, но прибавочной стоимости, то это очень просто: вам нужно только поделить прибавочную стоимость только на вторую часть авансированного капитала, т. е. потраченного на заработную плату».

На что рядовой покупатель отвечает: «Расскажите об этом вашему парикмахеру! Что интересует мой кошелек, так это конечная стоимость, т. е. цена, соответствующая вашим продажам».

Между двумя товарами завязывается спор, причем каждый утверждает, что хочет сделать сделку менее прибыльной и довольствуется смешной нормой прибыли. Поскольку ни один из них не может свести её к нулю, то тот, кто действительно имеет самые низкие издержки производства, побеждает, на что постоянно указывает Сталин. В постоянной части дается количество и качество обрабатываемых материалов. В обеих странах-экспортерах предметом спора является переменная часть. Есть, конечно, решение платить трудящимся меньше и заставить их работать дольше, но в первую очередь делается упор на производительность труда, обусловленную техническим прогрессом, использованием более мощных машин, все более рациональной организацией предприятий. И уже как одна, так и другая сторона выставляет напоказ глянцевые фотографии крупных заводов, хвастаясь тем, что они всегда сокращали количество рабочих, при неизменном или увеличенном общем производстве. Но одна вещь, которая не интересует покупателей - с какого берега конкурентного рынка выше оплачиваются рабочие, и где лучше условия труда.

Читатель, как мы полагаем, без труда заметит разницу между двумя методами анализа стоимости. Норма прибавочной стоимости всегда намного выше, чем норма прибыли, тем более что постоянный капитал перевешивает переменный капитал.

Что ж, закон Маркса о падении средней нормы прибыли учитывает прибыль в целом, т. е. общую выгоду всех производственных сфер, независимо от позднего разделения (между банкиром, промышленником и землевладельцем). Маркс в главе XIII тома III повторяет: *«Мы намеренно даём изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли» («Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости») «на различные обособившиеся одна от другой категории». Это «прямо доказывает независимость закона в его всеобщности от такого распадения».* И это верно даже тогда, когда государство выступает в роли собственника, банкира и предпринимателя.

Закон основывается на общем историческом процессе – никем не оспариваемом, с которым все вынуждены считаться – непрекращающемся развитии производительности в результате применения все более сложных инструментов, установок, машин, все более разнообразных технических процедур и научных достижений к человеческому труду. Для данной массы продуктов требуется все меньше и меньше рабочих. Капитал, который должен быть авансирован, для производства той массы продуктов, непрерывно меняет то, что Маркс называет органическим составом: все больше овеществленного капитала и все меньше зарплатного капитала. Нескольких рабочих достаточно, чтобы способствовать «увеличению стоимости» вдобавок к обрабатываемым материалам, поскольку они могут расходоваться гораздо дольше чем когда-либо. С этим тоже можно согласиться. А дальше? Даже предположим, что капитал усугубляет эксплуатацию и увеличивает норму прибавочной стоимости путем сокращения зарплат работников (хотя это происходит часто, все же это обязательный закон только с точки зрения комнатных революционеров), вытесненная прибавочная стоимость или прибыль действительно вырастет, но учитывая гораздо более сильное увеличение массы приобретенного сырья и инструментов, при неизменном количестве рабочей силы, норма прибыли снизится: так как именно норма прибыли выражает отношение прибыли (масса прибыли) ко всему авансу на зарплаты и увеличившиеся материалы.

Капитал требует «максимальной прибыли»? Конечно, он требует и находит её, но между тем не может предотвратить снижение нормы прибыли. Масса прибыли растет по мере роста населения, а тем более пролетариата, перерабатываемый материал становится все более внушительным, а масса продукта - все более большой. В молодости: небольшие капиталы, разделенные между многими и вложенные с хорошей нормой; в старости: огромные капиталы, распределенные между немногими (следствие концентрации, развивающейся параллельно с накоплением), хотя и вложенные с низкой нормой, но в результате безмерного, головокружительного увеличения общественного капитала, социальной прибыли и корпоративных капитала и прибыли.

Нет никакого противоречия с марксовым законом падения нормы прибыли, который мог бы быть остановлен только понижением производительности труда, «дегенерацией» органического состава капитала; борясь с этим Сталин сейчас поднимает свои самые тяжелые орудия, в области, где он отчаянно пытается одолеть своих противников.

XIX век и XX век

В п.2 (1952) Il programma comunista мы опубликовали некоторые сухие числа из капиталистических источников об американской экономике. Они подтвердили закон, установленный Марксом и отрицаемый Сталиным. По статистике, в 1848 году, т.е. в момент возникновения промышленного капитализма в США, из стоимости в размере 1000 единиц, которые переносились вместе с перерабатываемым материалом в процессе производства, 510 единиц распределялись на заработную плату рабочим и 490 - в качестве прибыли предпринимателям. Если не учитывать износ машин, общих накладных расходов и т.д. то цифры 510 и 490 представляют собой, соответственно, переменный капитал и прибавочную стоимость. Их отношение или норма прибавочной стоимости составляет 96%.

Как буржуа рассчитывали норму прибыли? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны знать стоимость обрабатываемых материалов. Оценить их мы можем только, исходя из гипотезы, что в

условиях молодой промышленности каждый работник переносит на продукт постоянный капитал, в четыре раза превышающий заработную плату. Если заработная плата составляет 510, то материалы составляют примерно 2040 единиц. Издержки производства составляют 2550. Норма прибыли высока: 19,2%. Во всяком случае, заметим, что она всегда ниже нормы прибавочной стоимости.

В 1929 году, после долгого цикла сумасшедшего роста, из 1000 единиц стоимости продукта рабочие получили лишь 362 единицы против 638, доставшихся капиталистам. Не стоит путаться: до «черной пятницы» зарплаты выросли, а также уровень жизни рабочих сильно увеличился, но это не меняет дела. Как видно, норма прибавочной стоимости или степень эксплуатации резко выросла: с 96% до 176%. Если после столь громкого подтверждения у кого-то еще есть недопонимание, то подчеркнем: несмотря на рост зарплат и улучшения еды и жилищных условий, можно стать эксплуатируемым в еще большей степени! Это последствия возросшей производительности труда, состоящего из пота и крови рабочих и в конце концов оседающего в карманах буржуазии.

Теперь установим стоимость общего производства. Предположим, что в период с 1848 по 1929 год благодаря усовершенствованию машин и при том же количестве рабочих перерабатывается в десять раз больше материалов, чем раньше. Мы можем спокойно принять эти низкие цифры: с уверенностью того, кто достаточно хорошо знаком с научным синтезом и с осторожностью обращается с данными, противоречивыми для собственного тезиса, представляющими собой какие-то пятнадцать волосков, что так весело пересчитывать. Поскольку рабочие получают теперь 362 вместо 510 как раньше, можно подумать, что доля перерабатываемых материалов упала с 2040 до 1448; но все наоборот: эта доля возросла до 14 480. С общим авансированным капиталом в размере 14 842 и прибылью в 638, норма прибыли стала около 4,5%. Снижение нормы прибыли, вот оно. Достаточно снять шляпу перед Марксом; не надо протягивать «дяде Сэму» носовой платок, чтобы вытереть слезы его капитализма! Вы поняли, мы искали норму прибыли, а не массу. Чтобы получить представление об общем объеме производства – если не в реальном выражении, то

в форме сравнения между двумя эпохами, необходимо учитывать, что валовой продукт переходит от 3 040 в 1848 году к 15 480 в 1929 году: при отсутствии заметного увеличения числа рабочих рук. Но в реальности за 80 лет рабочее население увеличилось по меньшей мере в десять раз. Можно вычислить общий продукт на 154 800, что примерно в 50 раз больше аналогичного показателя 1848 года. В то время как средняя корпоративная норма прибыли упала с 19,2% до 4,3%, а масса прибыли возросла с 490 до 6 380, т. е. стала в 14 раз больше. Конечно, наши цифры еще слишком скромны. Важно было только доказать, что американский капитализм в гонке за максимальной прибылью подчиняется закону падения нормы прибыли. Сталин не в силах навязать ему новые законы. Кроме того, мы не учитывали концентрацию; если принять этот коэффициент как 10, то средняя прибыль (как масса) американских компаний будет в 140 раз больше. Вот он: курс на кризис, и подтверждение марксизма.

Теперь мы позволим себе еще более дерзкое допущение. Допустим, что американский рабочий класс захватил власть в ситуации 1929 года; мы повторим цифры: 14 480 обработанных материалов, 362 работников, 638 прибыли, в сумме 15 480 совокупный продукт.

И тогда рабочие, прочитав Маркса, используют «возросшую производительную силу капитала для экономии живого труда вообще». Указ революционного комитета сверху сокращает производство до 10 000 (где именно произойдет сжатие, мы увидим; помните, что больше не будет ни президентских выборов, ни подобных событий). Рабочие пока довольствуются тем, что прибавляют к своей зарплате в 362 не всю прибыль (обремененную пошлинами и общими расходами), а несколько меньше, так чтобы она выросла, скажем, до 500. На функционирование государственных предприятий и органов государственного управления мы отчисляем даже больше 638 ныне ликвидированных капиталистов, скажем 700. По нашему счету еще только 8 800 сейчас на обрабатываемые материалы вместо 14 480 ранее; если численность работников остается постоянной, то рабочий день отныне составляет лишь 62%: с 8 до менее чем 5 часов. В качестве первого шага это вполне ощутимо. Если бы мы сейчас подсчитали

почасовую заработную плату, то увидели бы, что она увеличилась на 132%: с чуть более 44 до чуть менее 103.

Это все еще не было бы социализмом. Но там, где Сталин видит новый закон социализма, на практике отождествляя его с капиталистическим законом, согласно которому с ростом производительности труда увеличивается производство, мы противопоставляем ему обратный закон: с ростом производительности труда усилия и производство снижаются или остаются постоянными, или, после срезания ядовитых и кровососущих капиталистических ветвей, ствол начинает расти снова, плавно изгибаясь, в человеческой гармонии.

До тех пор, пока звучит призыв мобилизовать все силы, здесь не может быть никакого смысла, кроме как раздраженного сопротивления марксистскому закону падения нормы прибыли. Поскольку норма прибыли падает, но масса прибавочной стоимости и прибыли не снижаются, прогрессирующая риторика и порывы будут вмешиваться и взывать к потерянному человечеству: работай усерднее, производи больше! И когда, получив скромное вознаграждение работники не смогут раскупить весь излишек продукта, найдите возможность для экспорта, завоевав рынки за пределами нашего потребления! Это круг ада империализма, который нашел в войне свое неизбежное решение, а в восстановлении разрушенных произведений человечества, созданного веками - временное бегство от катастрофического кризиса.

Под наблюдением Сталина Россия идет по все тем же путям: восстановление разрушенных объектов, строительство капиталистических мощностей на обширных территориях и нынешняя гонка за рынками. Кто бы ни шагнул на этом марше, есть только два способа: низкие издержки или война.

Мы закроем эту экспозицию основного закона Маркса новой формулировкой капитализма, которую он помещает в Приложении, и которая, как всегда, фиксируется в качестве коммунистической социальной программы (конец главы XV, III том).

«Тремя главными фактами капиталистического производства являются следующие:

1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных работников, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя сначала таковыми они становятся, будучи ещё частной собственностью капиталистов. Последние — опекуны буржуазного общества, но они прикармливают все плоды этой опеки».

Маркс не пишет это, но подразумевает, что эти второстепенные персональные фигуры могут исчезнуть, а капитал остается общественной силой.

«2) Организация самого труда как общественного труда: путём кооперации, разделения труда и соединения труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны, капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах.

3) Создание мирового рынка».

Как обычно, Нить привела туда, куда должна была привести. Знай, читатель, что «день» не прошел, а наступил только «полдень». Возможно, это утомительное, тяжелое, вагнеровское симфоническое утро.

Будет ли заключительный день более приятной песней на неровной дороге? Может быть. «L'Après-midi d'un faune»? Наш фавн мог иметь только грубые формы и угрожающие жесты кровавого Марса.

Третий день (после полудня)

В течение двух первых дней и в течение сегодняшнего утра мы рассмотрели все отрывки сталинской работы, позволяющие найти законы, которым подчиняется российская экономика.

В теоретическом плане мы принципиально опровергли, что экономика с этими хорошо изученными законами, может быть определена как социализм или даже его низшая стадия, – мы опровергли настолько, что могли сослаться на основные тексты Маркса и Энгельса. В этих трудах мы находим, хотя и не с банальной легкостью, с какой перелистываешь комикс, экономические характеристики капитализма, как и социализма, а также явления, позволяющие определить экономический переход от одного способа производства к другому.

В эмпирическом отношении мы смогли сделать ряд окончательных выводов. На российском внутреннем рынке господствует закон стоимости, а значит:

- а) продукты имеют товарный характер;
- б) существует рынок;
- в) обмен между эквивалентами происходит в соответствии с законом стоимости; и эквиваленты имеют денежное выражение.

Большинство сельскохозяйственных фирм работают исключительно с целью производства товаров и частично в форме индивидуального присвоения продуктов со стороны парцеллярного работника (который действует как кооператив и как отдельный колхозник во второй части своего рабочего времени), форма, которая еще дальше от социализма, в некотором смысле остающаяся докапиталистической и натурально-экономической.

Малые и средние компании, которые производят фабричные товары, также работают ради рыночных продаж.

Крупные компании, наконец, принадлежат государству, что не имеет большого значения: их бухгалтерия также имеет денежный характер и регулируется посредством цен, которые соблюдают закон стоимости - расходы (на постоянный капитал и заработную плату) и доходы (реализованная продукция) сравниваются друг с

другом, т.е. идет проверка, работают ли компании прибыльно, т.е. приносят ли они прибыль, выгоду.

Масштабных доказательств марксистского закона нормы прибыли и ее падения было достаточно, чтобы разоблачить пустой контртезис Сталина: поскольку пролетариат держит власть в своих руках, огромный аппарат национализированной промышленности не стремится к максимальной прибыли (как в капиталистических странах), но заботиться о максимальном благосостоянии рабочих и народа.

У нас уже есть огромные возражения по поводу оговорок об отсутствии принципиальных противоречий между интересами рабочих в государственной промышленности и интересами «советского народа» – этой смеси индивидуальных и кооперативных крестьян, лавочников, управляющих малых и средних промышленных предприятий и прочее и прочее. Кроме того, мы только что вывели из утвержденного Сталиным «закона планомерного развития народного хозяйства в геометрической прогрессии» доказательство того, что капиталистический закон падения нормы прибыли остается в силе. Если пятилетний план с ростом на 20% утверждает увеличение производства на 20%, т. е. от 100 до 120 и в последующем плане снова указывается рост на 20%, так что означает, что производство не должно возрасти со 120% до 140%, а со 120% до 144% (20%-й прирост от нового цикла, который начинается со 120). Тот, кто немного знаком с цифрами, знает, что вначале разница кажется незначительной, но позже она обретает гигантские размеры. Помните историю изобретателя шахматной игры, которому император Китая хотел сделать подарок? Он попросил положить на первое поле шахматной доски одно зернышко, на второе - два, на третье - четыре... Всех зерновых амбаров Поднебесной не хватило бы, чтобы заполнить 64 поля.

Что ж, закон Сталина де-факто не что иное, как категорический императив: производить все больше и больше! Этот императив принадлежит капитализму, и в его основе лежит следующая цепочка причин: увеличение производительности труда – увеличение постоянного капитала по отношению к переменному капиталу, то есть рост органического состава - падение нормы прибыли –

необходимость противодействовать падению путем необузданного увеличения капиталовложений и производства товаров.

Если бы мы действительно только возвели несколько молекул социалистической экономики, то заметили бы, что экономический императив изменился и оказался нашим: поскольку сила человеческого труда умножалась бы на технические достижения: при неизменном производстве меньше труда! И там, где действительно существуют условия революционной власти пролетариата, то есть в странах, которые уже оснащены заводами: производи меньше, а работай еще меньше!

Сам факт того, что Россия выдвигает лозунг «увеличения массы продукта», подтверждает наш тезис. Это окончательное подтверждение еще одного факта, что значительная часть продукции крупной промышленности государства продается на внешних рынках, и здесь Сталин открыто объясняет, что это товарные отношения не только для удобства учёта, но и по своей природе.

По сути, это включает признание того, что «построение социализма в одной стране», даже если только из-за глобальной конкуренции (которая всегда готова стрелять не артиллерией низких цен, а пушками и атомными бомбами), не представляется возможным. Это абсурдное предположение, что «социалистическая страна» сможет изолироваться настоящим железным занавесом и сделать первые шаги в конвертации технических достижений производительности труда (как часть планирования «обществом в интересах общества») в снижение трудовой повинности и эксплуатации рабочего. И в рамках такой гипотезы только после отказа от безумной растущей в геометрической прогрессии кривой капиталистического бреда, план становится возможен: давайте установим определенный стандарт потребления для всех жителей, как это определено планом; когда мы достигнем этого уровня, мы остановим производство и воспрепятствуем преступному искушению продолжать его форсировать, только чтобы потом посмотреть, где мы от него избавимся, и на кого надавим.

Однако все внимание Кремля, как идеологически, так и практически, сосредоточено на мировом рынке.

Конкуренция и монополия

Поверхностное представление рассматривает марксистские теории о современном колониализме и империализме и описание Марксом свободной конкуренции (которая предположительно разворачивалась примерно до 1880 года), как разные трактаты или, в лучшем случае, дополнения друг к другу.

В различных статьях мы настаивали на том, что якобы трезвое описание «либерального» и «мирного» капитализма, которого, к слову, никогда не было, на самом деле является не чем иным, как гигантской «полемической аргументацией с партийной и классовой точек зрения». Это основа, на которой - если на мгновение признать, что капитализм функционирует в соответствии с неограниченной динамикой свободного обмена между носителями эквивалентных стоимостей (которая выражает не что иное, как знаменитый закон стоимости) - можно отрицать сущность капитализма, а именно: быть монополией социального класса, которая с первых эпизодов первоначального накопления до сегодняшних хищных войн, непрерывно стремится уловить «разногласия», созданные под маской договорного, свободного и равного обмена.

Начиная с обмена одних и тех же товарных стоимостей, Маркс показывает создание прибавочной стоимости, которая инвестируется и ведет к накоплению нового, все более концентрированного капитала; он далее показывает, что единственный способ (совместимый с продолжением капиталистического способа производства) разрешить противоречие между накоплением богатства на одном полюсе и ростом нищеты на противоположном полюсе и вытекающим из этого законом падения нормы прибыли - значит производить больше и сверх того, что необходимо для потребления; указывая на это, становится ясно, что конфликт между капиталистическими странами был очевиден с самого начала; каждый испытывает непреодолимое желание продать свои товары на территории другого и предотвратить собственный кризис, разжигая его у конкурента.

Официальная экономика тщетно пыталась продемонстрировать возможность достижения стабильного

равновесия на мировом рынке с правилами и механизмами товарного производства, даже утверждая, что кризисы уйдут в прошлое, как только повсюду распространится «цивилизованная» организация капитализма. Поэтому Маркс вынужден был обратиться к абстрактной картине, чтобы обсудить законы в отдельно взятой вымышленной стране полностью развитого капитализма без учета внешней торговли - и он доказал, что эта страна «лопнет». Тем более очевидно, что там, где возникают товарные отношения между двумя ранее изолированными экономическими зонами, они становятся не элементом затихания, а элементом потрясений, и тезис о «цивилизованной мировой организации» повержен. Единственное, что могло бы заставить нас пересмотреть свою теорию: если бы первые 50 лет этого столетия мы продолжали купаться в экономических и политических взбитых сливках вместе с либерализацией торговли, нейтралитетом и разоружением. Напротив, поскольку мир стал в сто раз более капиталистическим, во всех отношениях он пострадал в сто раз больше от землетрясений во всех смыслах.

Кто же спутал все карты? Прочитируем примечание из 22-й главы I тома капитала: *«Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и жизненные средства или наоборот. Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства».*

Работа Маркса, в которой, как мы всегда подчеркиваем, теория и программа образуют неразделимое целое, была с самого начала задумана, чтобы завершить этап, на котором противоречия первых капиталистических центров воспроизводятся на международном уровне. Доказательства того, что «социальное партнерство» между социальными классами страны невозможно в качестве окончательного решения и регрессивно в качестве временного решения, сочетаются со всеми аналогичными свидетельствами иллюзорного характера мирного договора между государствами.

Несколько раз мы напоминали, что Маркс в предисловии к своей работе 1859 года «К критике политической экономии» излагал порядок рубрик следующим образом: «капитал, земельная собственность, наёмный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок». Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трёх больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество»; и добавлял: «взаимная связь трёх других рубрик очевидна».

Когда Маркс начал писать «Капитал», первая часть которого объединяет материал «К критике политической экономии», с одной стороны, план был углублен, а с другой стороны, как казалось, сужен. В предисловии к I тому («Процесс производства капитала») Маркс объявил, что II том - это «процесс обращения» (простое и расширенное воспроизводство капитала, вложенного в производство) и III том будет посвящен «формам капиталистического процесса в целом». Помимо четвертой книги по истории теорий стоимости, материалы которой были доступны со времен «Критики», III том фактически описывает общий процесс, исследует распределение прибавочной стоимости между промышленниками, землевладельцами и банкирами, и завершается «прерванным» разделом «Классы». Окончательная версия, очевидно, должна была развивать вопрос о государстве и международном рынке, подготовка которой была проведена в других направленных текстах марксизма до и после «Капитала».

Рынки и империи

Уже в «Манифесте» и в первом томе «Капитала» в качестве фундаментального фактора накопления капитализма подчеркивается развитие зарубежного рынка в ходе географических открытий 15-го века и заостряется внимание на первостепенном значении торговых войн между Португалией, Испанией, Голландией, Францией и Англией.

Во время полемической и классовой борьбы, изображающей «типичный» капитализм, английская империя господствовала на мировой арене, и поэтому Маркс и Энгельс уделяли ей и её экономике наибольшее внимание. Эта экономика теоретически

претендовала на либерализм, в действительности была империализмом, который удерживал мировую монополию по крайней мере с 1855 года. В «Империализме» Ленин ссылается на письма Энгельса и предисловие, предшествовавшее ему в 1892 году, к новому изданию его исследования «Положение рабочего класса в Англии» от 1844 года. Энгельс отказался *«вычеркнуть из текста многие предсказания, в том числе предсказание близости социальной революции в Англии, на которое я отважился под влиянием своей юношеской горячности»*. Ему казалось гораздо более важным предвидение, что Англия потеряет свою мировую промышленную монополию; и он тысячу раз оказался прав. Если бы «мировой рынок и колониальная монополия» привели к засыпанию английского пролетариата - первого в мире пролетариата с выраженным классовым характером - с окончанием британской монополии семена классовой борьбы и революции были посеяны по всему миру. Ясно, что это займет больше времени, чем в вымышленной «единой, полностью капиталистической стране»; но для нас революционное решение уже предусмотрено теоретически, обходные пути и причины его «отсрочки» только подтверждают его обоснованность. Оно придет.

Давайте вернемся к предисловию Энгельса (которое Ленин цитирует немного иначе): *«Теория свободы торговли основывалась на одном предположении: Англия должна стать единственным крупным промышленным центром сельскохозяйственного мира. Факты показали, что это предположение является чистейшим заблуждением. Условия существования современной промышленности — сила пара и машины — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть, кроме Англии, и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России...»* (новые, современные источники энергии повторили этот вывод) *«...Они сами стали производить, причем не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которой Англия обладала почти целое столетие, теперь безвозвратно утеряна»*.

Парадокс? Мы могли только опровергнуть комедию «либерального» капитализма, потому что это был - в течение ограниченного времени - беспрецедентный исторический случай

мировой монополии. «Laissez faire, laissez passer»²⁹ - но держите флот (больше, чем все остальное) в боевой готовности, чтобы никто из Наполеонов не сбежал с острова Святой Елены...

Утром мы привели отрывок из III тома, который завершает новый синтез капиталистических характеристик словами: «Создание мирового рынка». Не будет лишним воспроизвести еще один сильный отрывок.

«Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот» (Внимание! Далее идет программа! Программа коммунистического общества!) «средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые служат безграничному расширению производства» (Москва на связи?), «производству как самоцели» (Кремль, вы все еще там?), «безусловному развитию общественных производительных сил труда. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства».

29 Laissez faire, laissez passer (франц.): «Laissez faire, laissez passer, le monde va de lui-même» (примерно: «позвольте этому произойти, пусть это случится, мир продолжит движение сам по себе»), изречение Винсента де Гурне (1712-59), приписываемое французскому экономисту. Считается модным принципом экономического либерализма, государственного невмешательства в экономические операции.

В сухом остатке: российская «экономическая политика» действительно развивала материальные производительные силы, расширяла мировой рынок, но в рамках форм капиталистического производства. Это, безусловно, полезное историческое средство: не меньше, чем вторжение промышленной экономики за счет голодающих шотландцев и ирландцев или индейцев Дикого Запада, но оно не может побороть неустанную хватку противоречий капитализма, поскольку именно подвергая рабочих голоду и тирании, он увеличивает производительность труда в обществе.

С какой бы стороны не посмотреть: конечной точкой всегда является мировой рынок - как в случае Сталина. Мировой рынок никогда не был «единообразным», разве что в абстракции, как в гипотетической стране абсолютного и химически чистого капитализма, невозможность существования которой мы продемонстрировали математически. Если такой рынок когда-либо возникнет, он немедленно распадется на отдельные части, подобно некоторым атомам и кристаллам, которые составляют целое только в течение доли секунды. Поэтому, когда уже развеянная мечта об объединенном стерлинговом рынке была выдумана, Ленин накануне Первой мировой войны смог дать точное описание колониального и полуколониального разделения мира между пятью или шестью империалистическими государствами-монстрами. За войной последовала не система равновесия, а новый, иной вид разделения; даже Сталин признает, что Германия стала на ноги *«вырвавшись из неволи и став на путь самостоятельного развития»*, и обрела силы, направив их во Второй мировой войне против франко-англо-американского блока. Но как все это можно примирить с лицемерной пропагандой, которая годами изображала войну в этом блоке неимпериалистической, а даже «демократической»? Как это можно примирить с истерическими криками о помиловании «военного преступника» Кессельринга³⁰? Горе товарищам Петровичу и Павловичу, если они посмеют задавать такие вопросы!

Вот и новое разделение мира и новая причина для ведения войны. Но прежде чем мы подойдем к оценке Сталина после Второй мировой войны, мы не можем удержаться от соблазна привести еще

30 Кессельринг - в 1941-45 годах главнокомандующий вермахтом в Италии и Северной Африке.

один отрывок из ленинского «Империализма», который особенно подходит для экономической части «диалога», которой посвящены предыдущие дни. Ленин высмеивает немецкого экономиста по фамилии Лифманн, что написал следующий гимн похвалы империализму: *«...торговля есть промысловая деятельность, направленная к собиранию благ, хранению их и предоставлению их в распоряжение»*. Ленин наносит ему удар, который поражает многих других Лифманнов: *«Выходит, что торговля была у первобытного человека, который ещё не знал обмена, будет и в социалистическом обществе!»* Восклицательный знак, конечно, от Ленина. Москва, где разместите его?

Широта и долгота

По словам Сталина, самый важный экономический итог Второй мировой войны заключается не столько в выведении из строя двух крупных промышленно развитых стран, Германии и Японии (игнорируя Италию), сколько в разделении мирового рынка на две части. Сначала он использует выражение «распад», затем уточняет, что *«единый всеохватывающий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу»*. Понятно, кем должны быть эти два лагеря: с одной стороны США, Англия, Франция и все страны, которые вначале попадают под действие Плана Маршалла для европейской «реконструкции», затем Североатлантического договора по «обороне» или лучше переворужению Европы и Запада, с другой стороны, Россия, формирующая новый, отдельный рынок вместе с «народно-демократическими странами», которые подвергаются блокаде, и Китаем. Это правильно с точки зрения географии, но формулировка не очень радует (даже если допустить ошибки при переводе). Предположим на мгновение, что накануне Второй мировой войны существовал бы реальный, единый мировой рынок, торговые центры которого были бы доступны для всех товаров всех стран, тогда он не мог бы распасться на «два мировых рынка», а просто прекратил бы существование и был бы заменен двумя международными рынками, разделенными строгим занавесом, который не позволял бы перемещать товары и обменивать валюту (теоретически и только в соответствии с тем, что знают таможенные

органы, что очень мало на сегодняшний день). Два таких рынка сейчас сталкиваются друг с другом, но параллельно, что косвенно признает, что внутренняя экономика двух крупных лагерей, на которые разделен этот земной шар, «параллельна», т.е. имеет один и тот же исторический тип; это согласуется с нашим теоретическим трактатом и противоречит тезису, который распространяет сталинская работа. Рынок существует в обоих лагерях, а значит товарная система, а значит и капиталистическая экономика. Итак, мы на мгновение допускаем выражение «параллельные рынки», но полностью отвергаем определение, согласно которому на западе существует капиталистический рынок, а на востоке - «социалистический рынок», ведь последнее - противоречие в терминах.

Допустим: два рынка «полумиров», разделительная линия которых - по крайней мере, когда речь идет о более развитой части населенного мира - идет не по параллели или широте, а по долготе побежденного Берлина. Эта линия приводит Сталина к наиболее замечательному выводу (особенно по сравнению с несостоятельной гипотезой о едином мировом рынке, который был бы под контролем всех стран-победителей или же только западного блока под руководством Соединенных Штатов), *«сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, [...] условия мирового рынка сбыта для этих стран»* (означает: зарубежного рынка) *«будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка»*.

Это произвело впечатление: В то время как различные марионетки вроде Эренбурга или Ненни³¹ направляются в поддержку «мирного сосуществования» и «конкуренции» между параллельными экономическими зонами, из Москвы приходит сообщение о том, что Запад по-прежнему еле дышит под горой товаров, которые нельзя продать (и даже отдать, накопив долги) и

31 Илья Эренбург - российский писатель, апологет мирного сосуществования и «оттепели». Пьетро Ненни - генеральный секретарь Итальянской Социалистической партии.

для спасения недостаточно безудержной гонки вооружений или войны в Корее и других империалистических разбоев.

Если это и потрясло буржуазию, то недостаточно, чтобы порадовать нас, марксистов. Нужно спросить, что запустит такой процесс в «параллельной» сфере, о которой говорится выше; основываясь на официальном тексте, мы уже показали, что на него распространяются те же ограничения: все больше производить и все больше продавать продукции внешнему миру. И как всегда мы должны сделать решающие выводы из подъема этой исторической тенденции [сталинизма] и противоречия, свидетелями которого мы являемся сегодня: с одной стороны, посмертная попытка «реабилитировать» революционный образ будущего Маркса/Ленина - перепроизводство, кризис, война, революция; с другой стороны, бесповоротные исторические и политические позиции, которые все еще настойчиво защищают «коммунистические» партии (действующие на минных полях Запада), позиции, диаметрально противоположные любому развитию классового антагонизма и революционной подготовки масс.

Классы и государства

Перед Первой мировой войной столкнулись две перспективы: Неизбежный спор о рынках приведет к войне; Независимо от того, кто выйдет победителем из войны, империалистическая напряженность продолжится - до пролетарской революции или нового глобального конфликта, и такова точка зрения Ленина. Противоположная позиция принадлежит предателям рабочего класса и Интернационала: после того, как «агрессор» (Германия) будет раздавлен, мир снова станет цивилизованным, мирным и открытым для «социального прогресса». Разные точки зрения соответствуют разным лозунгам: предатели призывают к национальному межклассовому миру, Ленин - к революционному поражению внутри каждой нации.

Война была отложена до 1914 года, потому что мировой рынок все еще находился в «фазе формирования» в марксистском смысле. Как мы показали в отношении капиталистического меркантилизма, базовая марксистская концепция «формирования мирового рынка»

основана на «слиянии» в единую экономическую магму капиталистического производства, транспортировки и реализации товаров – прежде ограниченных «сфер жизни и сфер деятельности», которые характеризуют докапиталистическую экономику, в котором производство и потребление осуществляются посредством местной, самодостаточной экономики (как в аристократических княжествах и азиатских государствах). Пока эти «нефтяные пятна» самодостаточных экономик «сливаются» как внутри, так и снаружи, в универсальном растворителе, капитализм сохраняет ритм своего «геометрического» раздувания без крупных перерывов. Но именно поэтому эти островки не включаются в глобальный и единый рынок без преград: протекционизм – древнее средство национальных территорий, иностранные рынки, открытые мореплавателями, как правило, монополизированы различными нациями - с помощью уступок от государственных правителей и султанов цветных народов, через торговые кампании, вроде голландской, португальской и английской, или под протекцией военного флота и даже изначально пиратских кораблей бродящих «морских партизан».

В любом случае, по словам Ленина, мы не только столкнулись с почти глобальным насыщением, но и те, кто присоединился последним, оказался ограничен на рынках сбыта; отсюда война.

Вторая мировая война. По словам Сталина, возвращение Германии в качестве крупной индустриальной страны было осуществлено благодаря западным державам, жаждавшим обновить оплот против России. На самом деле основные причины заключаются в том, что территория Германии не была опустошена во время войны и не была оккупирована военными после перемирия. В то же время Сталин признает, что именно империалистические и экономические, а не «политические» и «идеологические», причины были решающими для начала Второй мировой войны, особенно с тех пор, как Германия сначала повернула на Запад, а не в Россию. Поэтому, остается только признать, что война 1939-45 годов была империалистической. В результате снова возникли две перспективы: либо новые войны (независимо от того, кто победит), либо революция (при условии, что на войну отреагировало не национальное «социальное партнерство», а классовая борьба) - и противоположностью

последней перспективе является буржуазная позиция, идентичная позиции времен Первой мировой войны: все зависит от подавления преступной Германии; если это удастся, путь к миру, всеобщему разоружению, свободе и процветанию для народов будет свободен.

Сегодня Сталин выступает в пользу первой, ленинской перспективы, и сосредотачивается на империалистической причине войны и борьбе за рынки; но уже слишком поздно для того, кто вчера бросил весь потенциал интернационального движения на другую перспективу: борьбу за освобождение от фашизма и нацизма. Сегодня допускается несовместимость двух точек зрения; но зачем тогда продолжать вести (ныне разбитое) движение по пути либерального и мелкобуржуазного прогресса, «войны за идеалы»?

Может быть для того, чтобы подготовиться к хорошей политической игре в следующей войне, представив её как борьбу между капиталистическим идеалом Запада и социалистическим идеалом Востока? Присоединиться к глупому противостоянию политических банд, каждая из которых обвиняет оппонентов в «фашизме»?

Интересно, что в тексте Сталин отвечает «нет».

Его не волнует историческая ответственность за то, что он разрушил ленинскую теорию о неизбежности войны между капиталистическими странами и пролетарской революции как единственном выходе во время Второй мировой войны, и столь же ему безразлична еще более тяжелая ответственность за то, что он нарушил единственную политическую ориентацию, соответствующую ленинской теории, отдав приказ коммунистам, сначала в Германии, а затем во Франции, Англии и Америке заключить мир с собственным государством и своим буржуазным правительством. Глава современной России упрекает тех товарищей, которые верят в необходимость вооруженного столкновения между «социалистическим» и «капиталистическим» мирами или полумирами. Но вместо того, чтобы уклониться от прогноза о войне между капитализмом и социализмом, используя изношенную идеологию пацифизма, конкуренции и сосуществования двух миров, он говорит, что это верно только «теоретически», что «*противоречия*

между капитализмом и социализмом сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами».

Настоящие марксисты должны серьезно отнестись ко всем возможным прогнозам о противоречиях внутри атлантической группы государств и о появлении автономного и сильного капитализма в побежденных странах, таких как Германия и Япония. Но к выводу Сталина о следующем конфликте, поскольку он использует аналогию для обозначения ситуации накануне Второй мировой войны, следует относиться с осторожностью: *«Следовательно, борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма».*

Что за лагерь социализма? Если, как мы доказали своими словами, ваш лагерь, названный «социалистическим», производит экспортные товары максимально повышенными темпами, не является ли это той же «*борьбой за рынки*» и тем же «*желанием утопить своих конкурентов*» (или не быть утопленным ими, что то же самое)? Вы не вступите в войну как производители товаров, что на марксистском языке означает ни что иное, как капиталисты?

Единственное различие между вами, русскими и остальными, состоит в том, что полностью промышленно развитые страны уже давно оставили альтернативу «внутренней колонизации» выживших дорыночных островков, в то время как вы все еще проходите этот процесс. Следствием этого может быть только одно: в сфере рыночной конкуренции западные государства как из лимона будут выжимать из вас все соки (не забывайте, что вы приняли товарно-денежное движение, и пока находитесь на конкурентной территории, нет другого выхода кроме низких издержек, жалкой зарплаты и безумной трудовой травли российского пролетариата); и поскольку война неизбежна, у этих западных государств будет больше оружия, чем у вас, и они смогут победить вас в военном поле.

Так что вы должны сделать, чтобы предотвратить победу американцев, которая является для нас величайшим злом? Сталинская формула довольно умна - но, прежде всего, она

идеально подходит для оглушения революционного пролетариата и оказания величайшей услуги атлантическому империализму. Он избегает объяснения знаменитой «священной войны» в максимально возможной степени, что поставило бы его в дурное настроение против мировой общественности, которой надоели занимательные дискуссии об агрессоре; поэтому он переключается на «экономический детерминизм», который никоим образом не помогает ему вернуться на уровень классовой борьбы и классовой войны (исторически невозможное возвращение).

Сталинский язык очень хитрый: как говорил Ленин, война ведется между капиталистическими государствами. И что же делать? Призывать, как делал Ленин, рабочих всех стран на обоих фронтах выйти на классовую войну, развернув винтовки? Больше никогда. Мы сделаем такой же элегантный маневр, как во Второй мировой войне. Присоединимся к одной из двух коалиций, например, к Франции и Англии против США. Этим мы разобьем фронт; наступит день, когда мы бросимся на последнего оставшегося, даже если он наш бывший союзник, и тоже его разнесем.

Такие идеологические лекарства выдаются последним доверчивым пролетариям в темных коридорах, если только они не подсади на еще более худшие средства.

Война или мир?

Но многие спрашивают верховного лидера: если мы снова верим в неизбежность войны, что должно произойти с огромным аппаратом, который мы создали для мирной кампании?

Ответ в малой степени уменьшает вероятность мирной кампании. Это могло бы привести *«к предотвращению данной войны, к временной ее отсрочке»*, *«к отставке воинствующего правительства»* и замены его миротворческим правительством (может ли это обуздать аппетиты к рынкам, что ранее многократно было решающим фактом?). Но «неизбежность войн» остается. *«При известном стечении обстоятельств, борьба за мир»* (демократическое, а не классовое движение) *«разовьется кое-где в борьбу за социализм»*. И в этом случае речь должна идти не о

обеспечении мира (что невозможно), а о свержении капитализма. Что скажут десятки тысяч глупцов, которые верят в международный мир и внутренний социальный мир?

Чтобы устранить войны и их неизбежность, то есть последнее предложение Сталина, «нужно уничтожить империализм».

Хорошо. И как мы это сделаем, как уничтожим империализм?

Сталин: *«В этом отношении современное движение за сохранение мира отличается от движения в период первой мировой войны за превращение войны империалистической в гражданскую войну, так как это последнее движение шло дальше и преследовало социалистические цели»*. Совершенно ясно: лозунгом Ленина была социальная гражданская война, т.е. война пролетариата против буржуазии.

Но вы оставили путь Ленина до Второй мировой войны и вместо этого практиковали национальное «сотрудничество» или «партизанскую войну»; Вы отвергли социальную войну, защитив один буржуазно-капиталистический лагерь против другого.

Поэтому мы будем бороться с империализмом - но когда, во время войны или мира? Если империализм и капитализм падут однажды, это произойдет в период мира или войны? Во время мира вы говорите следующее: оставьте СССР в покое, и тогда мы будем строго соблюдать законы - речь даже не идет о свержении капитализма. Во время войны вы говорите иначе: дни гражданской войны прошли, ситуация уже не та, что в 1914-18; рабочие должны будут координировать свои действия с нашими соответствующими политическими и военными союзами с тем или иным капиталистическим лагерем. Итак, страна за страной, классовая борьба затоптана в грязи.

Какую бы парламентскую или газетную ерунду не сказали, крупный бизнес легко может понять, что сталинский «документ» - это не объявление войны, а полис страхования жизни.

*Jus primae noctis*³²

Описав большую работу, проделанную правительством России в технической и экономической областях, Сталин сказал, по крайней мере, в первых разделах: мы оказались на «нетронутой почве», и нам пришлось создавать новые формы экономики с нуля. Эта беспрецедентная в истории задача была выполнена с честью.

Что ж, это правда: вы оказались на нетронутой почве.

Это ваша удача здесь и несчастье пролетарской революции за пределами России. Сила революции, какой бы она ни была исторически, действует во всю мощь, когда имеет дело только с препятствиями дикой и свирепой, но девственной почвы.

Но в годы, когда после завоевания власти в огромной царской империи делегаты красного пролетариата со всего мира пришли в царские палаты, сияющие золотом в стиле барокко, и их речи обозначали линии революции, которая должна была свергнуть западные буржуазные имперские крепости. Что-то фундаментальное было сказано понапрасну; и даже Владимир не понимал этого. На это следует сказать, что даже если бюджет громадных плотин, крупных электростанций и колонизации огромных степей закрывается с честью, революция в западном капиталистическом мире закрылась не только бесчестно, что было бы мало, но с катастрофой на долгие десятилетия без реабилитации.

Напрасно было сказано, что в буржуазном мире, в мире парламентской и торговой христианской цивилизации, революция оказалась на уже перепаханной почве.

Вы позволили ей утонуть в грязи и погибнуть.

Даже после этого зловещего опыта она возродится.

32 *Jus primae noctis* (лат.): «Право первой ночи»; право феодала на первую ночь с молодой женой крепостного.